

Александр Гребенкин

Птица у твоего окна

16+

Александр Гребёнкин

Птица у твоего окна

«Автор»

1995

Гребёнкин А.

Птица у твоего окна / А. Гребёнкин — «Автор», 1995

Возвращаясь с осенней прогулки, старшеклассница Таня Ласточкина повстречалась с загадочным незнакомцем с собакой. Какую роль он сыграет в ее судьбе? Роман «Птица у твоего окна» посвящен молодым людям, представителям поколения 70-80-х годов XX века, которые любят, ненавидят, ждут, ищут, ошибаются, надеются на лучшее. Очень точно сказал о книге Виорэль Ломов: «Несколько судеб героев плотно сплелись буквально в канат, образовав прочный стержень повествования. Лирические, неторопливые, милосердные, свежие сцены сменяются динамичными, криминально насыщенными главами, сухими и безжалостными».

© Гребёнкин А., 1995

© Автор, 1995

Содержание

Птица у твоего окна	5
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Птица у твоего окна (роман-феерия об одном поколении)

*«Мы ни к чему не относимся так безалаберно, как к собственным бессмертным душам»
Рэй Дуглас Брэдбери*

Часть 1. «И был вечер»

Глава 1. Таня. «Полет в мире звезд»

Когда мягкие осенние сумерки бережно и нежно окутывают город, он начинает блистать совсем другой, удивительной волшебной жизнью. Сотни разноцветных оконных глаз освещают улицы мерцающим светом, блестят янтарными отблесками в темных таинственных лужах. Легкий морозец пощипывает за щеки, коварным ловким зверьком заползает в рукава пальто.

И как же хорошо ощущать этот легкий приятный холод и смотреть на засыпающий парк, откуда спешат уйти неугомонные мамы с шаловливыми ребятишками, торопятся в теплые дома пенсионеры, еще пару минут назад стучавшие своими шахматами и домино.

Таня любит такие празднично-осенние дни, поэтому, к вечеру привычно приходит в старый парк. Ей нравится шорох ранней осенней листвы, для нее это музыка – тихая и грустная, печальный вальс, который осень поет доверчивой и чуткой душе. Она любит звук метлы дворника, любит неповторимый йодистый и пряный запах листьев, как еще свежих, только что оторвавшихся от ветки, так и уже потемневших, подгнивших, готовых смешаться с землей, чтобы уйти в небытие, закончив свою короткую жизнь, а весной вновь возродиться в виде клейких пахучих нежных треугольничков на тоненьких зябнущих ветках.

Усиливается ветер, носящий косматые тучи по глубокому осеннему небу. Ветер сотрясает молодые звезды, пронизывает холодом фигурку девушки, но Таня не уходит – она любит поддаваться стихии ветра.

Она идет по бетонной дорожке среди пустых скамеек, с которых ветер внезапными порывами поднимает паруса листьев, несущихся неведомо куда в темно-синем вечернем воздухе. Она сама *взлетает* вместе с ветром, взмывает над дорожкой, поднимаясь над ветвями деревьев все выше и выше...

Вот уже весь парк можно окинуть взглядом с высоты стройных тополей, а ветер гонит ее дальше и дальше. Вот уже ртутной лентой мелькнула река с металлическим мостом, соединяющим своими лапами оба берега, вот уже виден весь город, усеянный огнями, как фонариками. И кажется Тане, что она в сказочной волшебной стране, где в маленьких коробочках-домиках живут беспокойные толстячки – гномики, весь день они трудятся, а вечером все собираются, идут друг к другу, освещая себе путь фонариками – желтыми, красными, зелеными, голубыми. И, кажется, сейчас соберутся, и взявшись за руки, споют осеннюю священную песню. И им совсем не страшно будет этой ночью, маленьким, смешным бороатым существам, ибо они дружны, они вместе....

Таня покидает город, взлетает все выше и выше, и вот ее полет врывается в мир белых ледяных звезд. Она бережно дотрагивается до них руками, и кажется, от прикосновений они нагреваются, каждая вспыхивает свой неповторимым цветом, и все они образуют хрупкий стеклянный хоровод, неистово кружащийся в такт осенней бури. Таня быстро мчится среди вспыхивающих, играющих созвездий, и вдруг стремительно падает вниз... И вот она вновь идет по дорожке, а онемевшие ее ноги, только что ощущавшие полет, плохо слушаются ее.

Конечно, ей помешали – парочка влюбленных, притаились на лавочке, целуются. Таня быстро проходит это место, стараясь не смотреть, но вернуть прежнее впечатление полета уже

нельзя. Его легко разрушить, но уже не вернуть. Она присаживается на свободную лавочку и тяжело вздыхает. Пытаясь согреться, дышит на начинающие коченеть руки и вглядывается в темноту. Звезды уже далеко, уже не теплые, а вновь холодные, чужие, равнодушные, блистают из-за бегущих по небу быстрых косматых туч. Рядом в листве слышится шорох – там оказалась кошка, изгибает спину, ласкается под ноги Тане. Она берет ее на руки и гладит пушистый мех. Животное тихо мурлычет и от этих звуков приятно и хорошо. Таня начинает согреваться и погружается в грезы. Вот приходит он – большой, красивый и сильный, садится рядом с ней, говорит нежно и ласково, блестя глазами, и легонько обнимает ее за плечи. . . . Он восторженно слушает ее. Он ею озарен, он преклоняется перед ней. Такой он еще не встречал, она для него единственная и неповторимая. Но Таня торопится уходить, оставляя его немного страдать и ждать ее возвращения. И Тане приятно, как он с нетерпением ждет новой встречи, как он ценит эти их краткие свидания. И сама она рада, после кратковременной разлуки, взглянуть в эти острые и одновременно нежные глаза, прижаться к его худенькому, но крепкому и надежному плечу, верной защите от всех невзгод. . .

Слышен чей-то смех, громкие голоса, звон гитары, и Таня спешит уйти из парка.

Она не понимает этих людей. Их быстрые, острые, унижающие достоинство шуточки наносят обиды, ранят ножом в сердце. Они бесцеремонно вторгаются в ее хрупкий мир, разрушают его, а так не хочется его терять.

Таня выходит на освещенные улицы. Свет ярко-желтых фонарей золотыми волнами блестит в лужах, в них плавают листочки-кораблики. Начинает накрапывать дождь, и Таня спешит в трамвай, который с лязгом и грохотом летит в вечерней темноте.

Дождик плачется в стекла, и мир сквозь них кажется дрожащим, плывущим серебром, изумрудным. Тане нравится разбрызгивание золотых, красных и зеленых огней, и она переполняется чувством неповторимого и прекрасного.

На одной из остановок в трамвай входит человек с большой лохматой собакой.

Пес тряхнул шерстью, и брызги разлетелись на охнувших пассажиров. С бороды и шляпы незнакомца стекали струйки воды. Собачища уселась у ног своего хозяина и глядела гордо, а незнакомец сидел, подобрав плащ, пристально глядя в темные собачьи глаза, словно что-то читал в них. Поля его шляпы совсем опустились, но он не обращал на это внимания, только время от времени решительным взмахом руки вытирал потеки воды. Трамвай лягал, трясся и гудел, но пес, видимо привыкший к такой езде, сидел смирно. Какой-то мальчишка запустил в него шариком, который тут же отлетел от могучей лапы пса. Пес важно поднялся, обнюхал шарик и так же неторопливо опустил, расслабил свое сильное лохматое тело. Мужчина в шляпе только успел сказать: «Сидеть, Царь, сидеть». Лицо его почему-то казалось смутно знакомым, как будто бы Таня видела его давно, в раннем детстве, или же он был на кого-то поразительно похож. Во всех движениях его длинного тела чувствовались тяжелая уверенность и сила.

Человек и собака сошли на одной из остановок. Тане нужно было выходить на следующей, но она, будто повинувшись какому-то внутреннему голосу, сошла сейчас и пошла следом.

Дождь ослабевал, вспыхивая серебряными нитями в витринах, в лучах фонарей, преломляясь в зеркальных лужах.

Человек впереди шел медленно, и устало, тяжело ступая. Ветер подхватывал полы его плаща. Собака шла ровно и мягко, бережно переступая через лужи. Вскоре они исчезли в длинном переулке. Потеряв их из виду, Таня повернула к своему дому.

Щелкнул замок. Ее окружил полумрак и уют прихожей. Неповторимый запах дома, кухни, кресел – необыкновенного, ни на что не похожего ароматного тепла смешивается с сырým запахом дождя и осенних листьев, который она принесла с собой.

Таня ныряет в комнатный полумрак. Вспыхивает режущий глаза ярко-белый свет. Родители сегодня будут поздно и, поэтому, Таня позволила себе погулять лишнее время в осеннем

парке. Она ложится на диван, и какое-то время отдыхает, неподвижно замерев, а потом встает, подходит к книжному шкафу. Здесь ровными рядами стоят ее друзья – книги.

Здесь сосредоточена человеческая мудрость, разлита разнообразнейшая гамма человеческих чувств, поступков, здесь живут прекрасные и смелые герои, трогательные и нежные героини. Здесь столкнулись в неумолимом противоречии любовь и ненависть, доброта и злодейство. С их помощью можно совершать головокружительные путешествия, переживать незабываемые приключения, попадать в иные миры.

Таня ласково прикасается к книгам, гладит их по шершавым корешкам, нежно и заботливо вытирает с них дневную пыль.

С такой же заботливостью она ухаживает за цветами на подоконниках, дает корм рыбкам в маленьком уютном аквариуме. Этот ежедневный ритуал приносит ей успокоение после суетного сложного дня. Она чувствует себя под надежной защитой, она у верных друзей, которые ждут ее и любят.

У Тани мало подруг. Самая лучшая – Роза – тихая и скромная девушка, прячущая свои застенчивые глаза под стеклами очков. Иногда они собираются вместе и сплетничают тихонько. Читают друг другу стихи, вместе готовят уроки. Они никогда не ссорятся, между ними давно уже установились дружеские отношения на взаимном согласии.

Но всегда ли ей доверяет Таня самое сокровенное?

Таня садится за уроки, когда слышится щелчок и скрип дверей – пришел отец.

Он всегда приходит первым и, показавшись в дверях, посылает ей воздушный поцелуй. Таня ему отвечает тем же, широко улыбаясь.

– В школе все в порядке? – звучит ежедневный традиционный вопрос.

– Ну, конечно, как же может быть иначе, – весело отвечает Таня.

У нее действительно всегда все в порядке. Таня учится старательно, без двоек, и родители привыкли к Таниным ответам и уже давно не контролируют учебу – в этом нет необходимости. Но это конечно еще не означает, что Таня не ленился. Далеко не всегда ей хочется учить уроки, но вот уже десять лет она заставляет себя это делать. Без добросовестности и тщательности в учебе Таня просто не может, ей становится стыдно, если на уроке она чего-то не знает. Ее усидчивость выработалась в многолетнюю привычку....

На кухне слышен звон посуды, шипение сковородки – это подогревает ужин отец.

Журчит, смешно булькает кран. Таня слышит этот звук и вспоминает далекое лесное озеро, зеркально ровную гладь, пузырящуюся, булькающую воду у берега, такую синюю вдали и такую черную, бездонную, таинственную вблизи. Они с папой удят рыбу.

Тане нравилось ездить на рыбалку. Ее окружал темно-синий, с багряными отблесками от расплывающегося вечернего солнца лес, берега, поросшие стеной тростника, вода, кишущая серебристой гибкой и жирной рыбой.

Запахи камыша, тины, прибрежной травы, словленной, трепыхающейся на выжженной траве рыбы, криканье испуганных уток, ломкая тишина озер – все это вошло в Танину суть и осталось в ней навсегда.

Таня особенно запомнила преобразование леса вечером. Он вдруг выросстал, становился громадным, темным и шумным великаном, наполнялся таинственными звуками – шорохом, шёпотами и криками. Крадущиеся сумерки проглатывали лес, и маленькая Таня радовалась, что уже уезжает, покидает этот страшный лес. Она крепче вцеплялась в холодный руль велосипеда, и вот они уже мчатся по черной ленте шоссе, навстречу автомобильным огням, и она слышит тяжелое дыхание отца, крутящего скрипучие педали.

.... Тане становится скучно от мелькания логарифмов, геометрических проекций и формул. Высидев еще с полчаса, Таня с удовольствием плюхается в кресло с толстой книгой Драйзера, взятого на несколько вечеров у Розы, и погружается в любовные перипетии сестры Керри. Для нее чтение – прокручивание цветного увлекательного фильма.

Приходит мама и между родителями завязывается обычный тихий разговор.

Временами Таня, отложив распахнутую книгу, прислушивается к разговору, чувствуя внутри некую досаду, за то, что поневоле подслушивает, но любопытство и желание заглянуть в загадочный мир взрослых сильнее ее. Даже обычные бытовые вопросы о ценах, деньгах и работе не остаются вне ее внимания. А когда наскучило – она вновь в плену цветных фантазий книги.

– Танюша, ты как? – спрашивает мама, входя в комнату.

– У меня все хорошо, – отвечает Таня, приветливо взмахнув рукой.

Мама устало садится рядом и гладит ласковой шершавой рукой темные пряди волос дочери. Вздохнув, глядя с надеждой в глаза, говорит:

– Давно мы с тобой не говорили по душам.

– Да что ты, мама, мы ведь каждый день видимся.

– Видимся, да не говорим друг с другом как следует. Ты как будто немножко чужая мне.

Таня морщится, ожидая привычные мамины причитания с наставительно-воспитательными оборотами:

– Мама, ну не надо об этом сейчас....

– Ну вот, – вздыхает мать, откидываясь на скрипучую стенку дивана, – ты опять уходишь от разговора. А ведь, когда ты была маленькая, между были налажены прочные мосты.... А теперь ты взрослая и молчишь, замыкаешься в себе. А, я, как опытная женщина, тем более твоя мать, могла бы многим поделиться с тобой, помочь тебе советом.

Таня наклоняется к маме, целует ее в лоб.

– Ну, мамочка, ну право же, у меня действительно все хорошо. Мы ведь всегда понимали друг друга. Ты преувеличиваешь!

Мама смотрит в сторону:

– Ты стала другой. Все время что-то хранишь в тайне, не договариваешь....

– Ну, мама ....

Таня никак не может объяснить маме, что она совсем другая, не та маленькая Танюшка с пунцовыми щеками и бантиком, таскавшая из буфета конфеты. Она уже взрослая, у нее есть свои тайны, есть что скрывать, она не может всем делиться с мамой, как это было раньше. Ей теперь интереснее не говорить с мамой, а слушать их взрослые разговоры издалека.

Она прижалась к маминому плечу, а та тихо, ласково, чуть грустно улыбаясь, гладила ее волосы и тихонько говорила:

– Доченька моя. Скрытная такая. Ты уже взрослая, уже девушка.... Я хотела тебе сказать, вернее спросить...

Таня вдруг подхватывается:

– Ах, не надо, мама! Отец идет... Я вспомнила, мне ведь искупаться нужно!

Она скрывается в другой комнате, чуть не столкнувшись в дверях с подошедшим отцом. Он, выронив газету, удивленно смотрит ей вслед.

Потом заговорщически улыбаясь, полушепотом говорит жене:

– Что, скрытничает? Уж не влюблена ли?

– Ты знаешь, кажется, что совсем еще недавно она в люлочке лежала, крошечная такая, розовая. Ох, не успели заметить, как выросла дочь!

Они откинулись на спинку дивана и громко, в унисон, вздохнули.

***

Таня наблюдала, как с шумом и паром наполняется ванная, а затем аккуратно ступила в воду. Горячая масса обволокла тело, и Таня постепенно погрузилась в сладкую полудрему. Почему-то вспомнился жаркий летний день в лагере, когда они пыльные, уставшие после

работы в поле, изо всех ног неслись к синему полотнищу воды. Тогда блаженная бело-зеленая прохлада охватывала тело, остужая его, давая отдых и одновременно взбадривая....

С замиранием сердца усмотрела она на Сергея. Его худощавое, но крепкое смуглое тело стремительно разрезало водную гладь и мгновенно погрузилось в ее глубины, вынырнув затем где-то на середине реки, к восторгу девчонок. Она помнила, как он сильными взмахами рук плыл к противоположному берегу, как смеялся над своим дружкой Князевым, который топтался на берегу, не решаясь войти в воду. Тогда Таня ощутила его взгляд – цепкий, пронизывающий, зовущий, такой же, как был в тот святой для Тани, необыкновенный майский вечер, когда она была влюблена, когда цвела удушливо весна, и пахло яблоневым цветом, сиренью и кленами, когда пьянила, кружила голову любовь.

В тот вечер она гуляла в парке и встретила его. Он был одинок и скучал. Он был находчив, рассказывал разные забавные истории, от которых Таня, казалось, вот-вот покатится по земле, угощал ее мороженым и залихватски курил. Он казался Тане далеким, недостижимым, неумолимо красивым, милым и внимательным.

Вихрем кружилась карусель, смеялась Таня, мчащаяся вслед за Сергеем, который, оглядываясь, кричал ей что-то смешное и неуместное здесь.... Развивались его волосы, и его пронзительно синие глаза входили в душу и грели ее. И кружились бриллианты звезд, и шептали свои сказки деревья, рассказывала свои истории старая забытая лавочка, и чувствовала Таня тепло его тела, его руку на своем плече, его волосы, глаза и губы. И любила Таня – это небо, и эти деревья, и, даже, эту старую лавочку – все казалось милым и красивым. Она чувствовала в полной мере крылатое счастье, весенней птицей бьющееся в груди, и хотелось расцеловать этот мир, бесконечно благодарить за то, что он есть.

Ей уже казалось, что она совсем взрослая, молодая и красивая женщина, полюбившая прекрасного мужчину. И это чувство какого-то необыкновенного взрослого счастья слегка напомнило ей те моменты, когда она, в отсутствие дома родителей, совсем еще девочкой, одевала лучшее мамино платье, безумно красивое, но слишком большое по размеру. Она подтягивала его в поясе, чуть приподнимала, обнажая свои еще худенькие ножки... Накрасив губы и глаза, наведя тени, надев шляпку, прохаживалась по комнате с маленькой сумочкой, грациозно останавливаясь, косясь в пол-оборота на зеркало, стараясь в нем разглядеть себя всю, делая завлекательные взгляды, Но то была лишь игра, обман, а сейчас это случилось наяву. Казалось, сказка ожила, стала реальностью.

Это была суббота, волшебная суббота, великолепный теплый душистый, сказочный вечер, когда последние лучи оранжево-желтого солнца весело и ослепительно брызгали из-за ветвей. А потом была беспокойно-счастливая полная надежд и мечтаний ночь, когда Таня почти не спала, перебирая в своем сознании все, что произошло, открывая каждый раз для себя живописные подробности. И сердце переполнялось радостью – какой же тут сон? А затем наступило полное томительного ожидания воскресенье, когда время тянулось как резина нескончаемо долго и сотни раз происходило все надоевшее, и с нетерпением ожидался понедельник, который манил, обещал непредвиденное, что-то счастливое, радостное.

И вот наконец-то наступил этот яркий алый понедельник. Таня, полчаса проведя у зеркала, с мыслью «понравлюсь ли я ему?», ринулась в школу.

Чем ближе было здание, тем медленнее шла Таня. Ей казалось, что отовсюду на нее смотрят десятки синих Сергеевых глаз. В груди смешалось ожидание радости и какая-то тревога....

Вихрем она взлетела на нужный этаж и буквально ворвалась в класс. Вся пунцовая, запыхавшаяся и взволнованная, быстро стала искать глазами его, своего милого, наконец-то увидела его – он стоял в толпе мальчишек, что-то рассказывал и хохотал, не обращая никакого внимания на Таню. Таня вздохнув, ватными ногами подошла к своей парте и села рядом с повторяющей урок Розой. А потом, когда начался урок, она все еще косилась в его сторону, ожидая его взгляда – но напрасно, его не было.

Все перерывы, весь учебный день они вели себя так, как будто их друг для друга не существовало, нарочно не замечали друг друга, а когда, наконец – то, этот мрачный, злосчастный день подошел к концу, Таня ушла, сдерживая глубоко затаившееся разочарование, и на глазах у неё застыли слезы.

Они не замечали друг друга всю неделю, а когда в субботу в конце занятий Сергей уже собирался уходить, Таня вдруг, сама для себя, неожиданно подошла к нему и слова потоком хлынули из неё:

– Привет! Что же ты забываешь старых друзей? Сегодня вечером ты свободен?

Сергей вдруг весь съежился, стушевался и ответил извинительно:

– Ну, что ты, Ласточка, как я мог забыть? Но то было тогда. А сейчас я занят... Давай в другой раз.

Бросил это и умчался со своим неизменным Князевым. Но для Тани это был уже крах. Это было совсем не то, о чем она мечтала, о чем переживала все эти дни. Камень неразделенной любви тяжело упал на её душу. Она долго переживала, но потом её воля укрепилась. Она стала взрослее и серьезнее. Мир виделся ей уже в не таких радужных красках, как раньше. Он стал более ломким, хрупким, и Таня бережно и осторожно стала относиться к нему. Но в глубине души осталась, осела печаль, которая с годами не проходила. И все же те часы, когда цвело, распускалось свежим бутонем роз чувство, не забылись ею никогда. Она понимала, что в тот вечер была действительно счастлива... Правда потом пришла ревность и зависть – чувства, которые Таня стремилась изгнать, но не смогла.

Следующим летом в лагере труда и отдыха она всюду старалась быть рядом с Сергеем, старалась ему понравиться. Откуда-то у неё, ранее такой застенчивой, появилась смелость: она громко говорила, смеялась, стараясь обратить на себя внимание. Он же относился к ней ровно и как-то полушутливо, снисходительно, и Таня каждый раз для себя делала вывод, что он не ценит их встреч, её внимания. С завистью она смотрела, как красивая Зоя Калинова, тонкая и гибкая, как тростинка (она занималась в балетной студии) укатывала с Сергеем куда-то на велосипеде, взятом у доброго физкультурника, как звонко смеялась Зоя, когда он шутил, как она всем телом прижималась к нему. И Таня ловила себя на том, что не может видеть её ровные алебастровые зубы, огромные голубые глаза.

Таня сердилась на себя, уходила разочарованная куда-то в рощу, на луга. Там, в многоцветье красок, в изобилии густых пахучих трав и цветов, они с Розой тихо читали стихи, погружаясь в мир Бунина и Блока, Есенина и Цветаевой, свободно говорили о чем-то чистом и возвышенном. И душа переполнялась благодатью, ожиданием и надеждой, и острые нанесенные любовью раны затягивались, зарубцовывались...

Таня замерла неподвижно под душем, а затем, выйдя из ванной, начала растирать себя полотенцем. По привычке глянула в зеркале, все больше удивляясь. Она превращалась в красивую, хорошо сложенную девушку: тело приобретало рельефность и округлость, как будто бы искусный скульптор постоянно работал над ним, совершенствуя свое мастерство.

Набросив халат, Таня ушла в спальню. В вечерней тишине гулко стучали часы, шелестел газетой отец. Таня, одев просторную хрустящую пижаму, улеглась и выключила свет. Она радовалась тому впечатлению, которое произвело на неё собственное отражение. Она чувствовала себя прекрасной и сильной. Её переполняла радость и желание нравиться кому-то. Она погружалась в воображаемый мир, выстраивая удивительные картины встреч, свиданий и разлук, переживая заново прекрасные чувства. Она станет совсем взрослой, красивой женщиной. У неё будет свой просторный дом. И вот, в один из вечеров, когда будет грохотать гроза, и капли дождя будут стучать горохом по крыше, и водосточные трубы будут напевать свои грустные мелодии, послышится стук в дверь. И она откроет и увидит его, мокрого, озябшего, но пытающегося держаться достойно. И он, сняв шляпу, опустит свою красивую голову, как бы моля

её о любви, а она будет отвечать ему строго, смотря в сторону, а потом прижмет к себе, как бы прощая. А ветер будет трепать гроздь звезд, поющих звонкую серебряную песню любви.

***

Для молодой души каждый новый день – это всегда путешествие в область нового, непознанного, это всегда ожидание какого-то чуда, счастливого события, нового поворота судьбы, существенно изменяющего жизнь. Что ждет тебя там, за поворотом? Манящее ли счастье или неудачи и огорчения, которые ввергнут тебя в бездну печали и отчаяния? Но надежда никогда не покидает душу и на её хрупких крыльях можно держаться ещё долго.

Сегодняшний день сочетает в себе все цвета ранней осени. Сегодня поездка в колхоз, и возле школы Таня видит веселые стайки ребят в потертых джинсах, стареньких курточках, резиновых сапожках и высоких ботинках, в шапочках, платочках, накинутых на головы башлыках.

Таня вновь окунается в другой мир, постепенно привыкая к нему. Она видит Розу и быстро подходит к ней. Подруга в меховой шапочке, чуть пунцовая от утренней прохлады, в руке авоська со снедью. Они с любопытством вслушиваются в девчоночьи разговоры, часто представляющие собой милые школьные сплетни. Девчонки радуются тому, что не нужно готовить поднадоевшие уроки, смеются над анекдотами, а в центре внимания, конечно же, Валентина Карамзина. Еще бы – вчера она не побоялась сесть на заднее сиденье мотоцикла, на котором с бешеной скоростью любит ездить некий Финн, парень озорной и отчаянный. Они совершили головокружительное путешествие по городу. И Таня, слушая рассказ Валентины, уже представляла себе, как ветер сечет лицо, развеивает волосы, как страх покалывает пятки, как прижимается она к плечу воображаемого храброго юноши и с рокотом несется вдаль...

Мальчишки носятся по двору, гогоча прорезавшимися басовитыми молодыми голосами, а затем убегают куда-то за школу. Там в густом кустарнике идет своя тайная и такая увлекательная жизнь: мелькают среди редких листьев и тонких ветвей рубиновые огоньки, в небо убегает сизый дымок сигарет, достаются банки, в которых под видом напитка, взятого в колхоз, содержится домашнее легкое вино, кружащее головы, придающее бодрости, раскованности и уверенности...

Приходит Мадонна, или, правильнее, Мадонна Юлия Сергеевна, их классный руководитель – молодая, стройная, в спортивном костюме, в легкой курточке и в модной вязаной шапочке. Тонким и протяжным голосом зовет: «Десятый класс! Собираемся!». Идет переключка, веселые голоса хрипловато звонко откликаются: «Я! Здесь! Присутствует!».

Подкатывает старенький, выдавший виды ЛАЗ. Шофер дядя Коля, до боли в сердце переживающий за вверенный ему транспорт, суетится в салоне, следя за рассадкой неистово смеющейся, дико гогочущей компании, которая, несмотря на все старания Юлии Сергеевны, беспорядочной толкающейся кучей вваливается в салон. Таня заходит одна из последних, но вошедшая ранее более ловкая Роза успевает занять места, и подруги усаживаются рядышком.

Автобус пахнет пылью, кожей и бензином. Дядя Коля сурово предупреждает насчет сидений и надписей. Но, несмотря на его старания, в автобусе всякий раз появляются надписи, типа «Коля плюс Оля», и кожаные сиденья всегда остаются порезанными, и вечером, зашивая их, дядя Коля будет жаловаться товарищу: «Ну, что поделаешь с ними? Дикая орда!»

Наконец-то, тяжело заурчав двигателем, автобус трогается под радостный возглас толпы, не только сидящей на сиденьях, но и на коленях товарищей, а также стоящих в проходе тесной дружеской стеной, так как в автобус набился еще один класс. Начинает звенеть гитара. Это Князев, сидя рядом с Сергеем в самом хвосте транспорта, развлекает компанию.

Автобус вырывается в золотой, разноликий мир улиц. Черный асфальт блестит серебряными искрами, и радостное чувство переполняет Таню. Хорошо вот так сидеть, смотреть в окно на проснувшийся город и мчаться вперед, в неизвестность, чувствовать его присутствие,

ощущать устремленный на тебя взгляд, кажется, что он совсем другой, не такой, каким представляется наяву, это лишь его внешняя защитная от суетного и опасного мира оболочка. На самом же деле он чуток и добр и следит за тобой, думает и переживает о тебе.

Но это чувство перебивается другим, которое переплетаясь хитрой змеей, побеждает первое. Оглянувшись, она мельком видит глаза Сергея, устремленные к Зое Калиновой. Таня чувствует острую досаду, глухую обиду, отворачивается к стеклу, стараясь не менять спокойного выражения лица, сохраняя невозмутимость, чисто механически слушая рассказы Розы. И теперь ей больно ощущать странный контраст собственной душевной неустроенности, и прекрасного, блестящего радостью и осенним золотом мира, ощущать досаду от того, что эти два чувства не совмещаются, не превращаются в гармонию, в общую симфонию радости жизни. И веселье в автобусе, и звон гитары, и мелодия песни «Рано прощаться» теперь угнетающе действуют на Таню.

Она испытывает желание прорваться сквозь толстое стекло автобуса, бросить все и уйти, бродить целый день в одиночестве, ворошить ногами листья, слышать их шепот и страдать, думать и страдать... И тогда, только тогда придёт облегчение.

Но автобус мчится, рядом смех и веселье, и никому до нее нет дела, даже Розе, и этого всего не изменить, остается лишь покориться судьбе, терпеть, терпеть, терпеть.

Наконец-то автобус, поднимая легкие облачка мелкой пыли, врывается в озаренный желтым цветом мир поселка. Важно переваливаясь, ползет мимо низеньких, крытых железом и черепицей домов, сотрясаясь на выбоинах. Мелькают разноцветные крашенные заборы, возле которых дымятся кучи горячей листвы. Алебастрово-сизый дым ползет от оранжевых язычков пламени, завиваясь тонкой занавесью, растворяется в аквамаринном небе. И весь этот мир приковывает внимание, забирает и топит на дне души старые чувства, приковывает десятки глаз к запыленным окнам, в надежде увидеть новое.

И вот автобус въезжает на огромное колхозное поле. Остановившись возле лесополосы, вытряхивает из своего брюха неугомонный веселый народ. Все сразу начинают ходить, разминая ноги, пробуя на прочность незнакомую, легкую после недавних дождей, но уже успевшую подсохнуть сухой и пыльной коркой, землю. Бросают в одну кучку у деревьев сумки, рюкзаки, слушая команды Мадонны.

Таня выходит на широкий полевой простор, ощущая шум ветра, оглядывая сизо – лимонное небо, окунаясь в запах пыльной, изрытой земли и картофельных клубней. Глубже запахи-вает красную болоньевую курточку, набрасывает на голову башлычок и потирает руки – в поле прохладно, ветер пощипывает щеки и пальцы.

Подходит председатель – озабоченный, с нахмуренными клочковатыми седыми бровями, с загорелым лицом, в фуфайке, наброшенной поверх потертого, выдавшего виды кургузого пиджачка. Морща рот и усы, он что-то рассказывает учителям, указывая на сваленные у поля, частично сломанные ящики.

Ребята разбирают ящики, рассаживаясь на их и без того хрупкие бока у картофельных куч, начинают перебирать, сортировать картошку.

Таня пристраивается к Розе, заранее стараясь сесть так, чтобы все-таки хоть краем глаза видеть Сергея. А тот затеял возню с Князевым, оба бегают, гогочут, пока их не останавливает суровый оклик Мадонны. Олег Девяткин, отличник, фотограф класса, деловито суетится, делая снимки и, Таня, на мгновение улыбнувшись, замирает, обняв Розу, чтобы быть запечатленной в истории класса.

Валя Карамзина уже затевает новый рассказ о своих похождениях с Финном. Таня слушает вполуха, косясь на Сергея. И, вдруг, горечь охватывает её душу. Она – Зойка, Зоинька, примостилась на ящичке рядом с ним. Он чуть придерживает её за плечо, как бы легонько обнимая, а она что-то щебечет ему на ухо. Таня отворачивается в сторону и вдруг получает удар картошкой в спину – это Князев, это его шуточки.

Гнев и обида одновременно захлестнули Таню. Князев, узрев ее суровое лицо, начинает повторять: «Не я, Ласточка, не я». Поздно, обиженная Таня уже уходит в себя, смех и разговоры перестают ее интересовать.

Она видит, как в сизом, начинающем чернеть небе летят птицы, как с севера идет огромная надутая зловещая туча, постепенно заполняя горизонт. Подул пронзительный холодный ветер.

Из раздумий Таню вырывает тяжелый скрип и глухой топот – это едет старая, выдавшая виды повозка, запряженная серой шелудивой лошадкой. На повозке бурлит, переливаясь водой, металлический бак. Рядом с телегой, хромя, идет старик. Таня, как и все ребята, довольная, наконец, перемене, радостная бежит к тележке. Ребята, обходя и осматривая несчастное обмахивающееся хвостом, грустноглазое существо, пьют из белой эмалированной кружки обжигающе-ледяную воду.

Старик выглядит устало и горестно: изможденное, покрытое седой, давно небритой щетиной лицо, потемневшее от загара и от старости. Его руки, протягивающие Тане кружку с колодезной водой – худые, с вздувшимися темными венами, изломанными черными ногтями. Взгляд из-под бровей в чем-то добрый и мудрый. Вода покалывает в зубы и горло, но кажется необыкновенно вкусной. Таня с благодарностью возвращает кружку, и старик едет дальше, прикрикивая на лошадку и без того бредущую вперед с покорной готовностью.

Старик постепенно растворяется в сереющем поле, а Таня долго еще видит перед собой его сгорбленную фигуру, в старом засаленном пиджаке с поломанными пуговицами, в заплатанных черных штанах, и ей так становится жаль его, как будто перед ней пронеслась вся его жизнь, такая же горестная, мученическая, как и он сам.

Таня вновь было вернулась к картошке, когда новый порыв пахучего ветра принес с собой первые холодные капли. Дождь, веером взрыхлив осеннюю землю, тут же внезапно закосил острыми иглами под возгласы ребят, накидывающих дождевики, башлыки, открывающих зонтики. В лесопосадке, где они пытались укрыться, дождь уже властно стучал по черным стволам, шелестел в кустах, образуя прозрачные озера в чашах листьев, вздрагивающих от прикосновения каждой холодной капли. Все притаились под деревьями, сгруппировались под зонтиками и дождевиками, радуясь такому приключению, а дождь все хлестал, и казалось, не будет ему конца.

– Все, конец работе на сегодня, – кричал Князев, ныряя куда-то в кустарник вместе с Сергеем. Они пробежали буквально перед носом Тани и Розы, которые спрятались под обширным дождевиком. Таня смотрит, как полосует, шуршит, бурлит непогода и теснее прижимается к Розе.

Через полчаса дождь начал утихать. Слышна была только мелодичная музыка ручьев и звон капли, падающей в черные лужи, где полузатонувшими корабликами плавали чернобурые листья...

Многие начали сходиться и разворачивать снесь, открывая дымящиеся термосы, доставая бутерброды. У Тани и Розы давно уже разыгрался аппетит.

Роза предложила первой:

– Тань, давай перекусим. Где твой пакет?

– Ой, кажется, я оставила его на поле, возле ящика, – ужаснулась, оглядываясь вокруг, Таня. – Я сбегая, возьму!

– Беги быстрее, а то там уже и так все намокло! – крикнула уже в спину бегущей Тане Роза.

Бежать было далековато. Таня мчалась через кусты к ящикам, чавкая липкой полевой грязью. Пакет превратился в лужу, но еда, бывшая в целлофане, как будто – бы не пострадала. «Браво заботливой маме», – подумала Таня и побежала назад.

Она ворвалась под ветви, и тут на нее обрушился холодный водопад. Она остановилась, дрожа и отряхиваясь, переводя дух. Вдруг откуда-то неподалеку раздался голос Сергея, спокойный и деловитый, и сердце Тани сразу вздрогнув, забилося в бешеном темпе.

Голос доносился со стороны – из-за густо желтеющего, буйно разросшегося и еще не опавшего кустарника. Таня, повинувшись скорее какому-то загадочному чувству любопытства и хитрости разведчика, тихо пробралась поближе к кустам и присела. Сквозь ветви было видно небольшую полянку, где на могучем стволе поваленного дерева сидели спиной к ней двое – Сергей Тимченко и Алексей Князев.

– Наташка – девчонка ничего себе, – говорил Князев в обычной своей манере, слегка небрежно. – Притащила нас к себе на хату, когда стариков не было. Мы классно оттянулись, такой кайф словили – позавидуешь. Во-первых, выпили целую бутылку, ты не поверишь, французского ликера. Вещь конечно обалденная... Витек включил музон, ну ты знаешь, этот концерт "Бони М", где, «Распутин». Все танцевали, как бешенные – еще бы, ведь нажрались здорово! И тут Натаха меня в оборот взяла. Я танцую, а она все липнет ко мне, так и лезет целоваться... Ну и я, того, не растерялся, не мудака. Умыкнул ее в другую комнату, а Витек с Ленкой исчезли куда-то. Ой, что там было, не поверишь!

– Да брось заливать, – мрачно бросил Сергей, презрительно сплюнув, и затаился сигаретой. Виден был лишь узенький клейкий дымок.

Князев опешил:

– Не веришь! Да ты хотя бы у того же Витьки спроси!

– Ну, ладно, дальше-то что было? Только, давай без подробностей!

– Да ты что, Серый, не в настроении сегодня, что ли? Так вот, проснулся я утром, и в парашу полез. Голова, как медный котел шумит, меня всего качает. Выпил воды, наверное, с целое ведро. А подруга спала весь день! Ну, вот я и подумал – какого я попрусь в школу...

Таню возмутила эта циничная речь Князева. Ей очень захотелось уйти, но она боялась, что её обнаружат. Дождь кончался, накрапывал едва-едва, и слышно было далеко. Её охватил стыд, она не могла двинуться с места. Сидела, сжавшись, вросшись в куст, не шелохнувшись, а какая-то предательски холодная капля уже заползла ей за шиворот... Рядом с ней шла тайная, совсем другая, такая не до конца ясная и приятная, но по – своему любопытная жизнь.

Через несколько минут, когда она все же решилась отползти, и уже приподнялась на корточках, разговор друзей неожиданно принял другой оборот:

– А как насчет «операции»? Ну, той, что ты разрабатывал? – как-то встревоженно спросил Сергей.

– Что? Какой «операции»? А, насчет видака... Ничего, будет тебе аппарат... Нужна только ловкость рук!

– Э, нет, слушай, давай как-то по – другому. Ты же обещал продать свою импортную гитару, пластинки, какие-то книги. Обещал ведь?

– Да, но послушай! Если поработать головой, то можно ведь все получить даром. Вот слушай, классный вариант. На даче у Вальки Карамзиной есть японский видак, сила! Помнишь его?

– Хорошая вещь!

– Так вот, они, когда приезжают на дачу, то сидят там целый день, а окна открывают настежь для проветривания. Он у них стоит целый день на столе, у окна, возле телика. Остается перемахнуть через забор, подойти к окну со стороны сада. Бери его втихаря и шуруй назад! Ну, как вариант?! Ничего и продавать не надо, тратиться только...

Наступила пауза. Видимо Сергей размышлял.

– Да слушай ты, зачем же так, мы что воры какие-то что ли?

– Какие воры? Этот Карамзин, богач, куда круче наших стариков вместе всех взятых, деньги гребет лопатой! У него классная тачка, две хаты, дача роскошная с садом! Два раза

в Японию ездил! Что для него какой-то видеомэгнитофон? Он может таких с десятков оттуда привезти, они там дешёвые! Да, и потом, кто же узнает? Подумают, что сельские пацаны потянули! Ну, решайся!

– Да, но, все-таки, хреново получается, как – то. Хотя и маг классный!

– Вот именно! Что там хренового? Он им триста лет не нужен, у них дома ещё один, зачем им столько? Вспомни, Робин Гуд у богатых добро забирал! Мы ведь всего один раз возьмем. Может этот Карамзин, будучи начальником, награбил, забрал у нас с тобой, у стариков наших. Разве это справедливо?

– А Валька?

– Она и не узнает! Откуда ей узнать? Когда у тебя футболку сперли в прошлом году, ты разве кипишь поднимал? А у Девяткина в лагере летом – джинсы. Если что-то пропадает – это обычное дело. А мы это дело организуем так, что никто не узнает. Школу скоро закончим, слава богу, последний год! Ты его никому показывать не будешь. Будешь дома в шкафу прятать. Да и не один такой магнитофон на свете!

Сергей думал, мысли его, видимо, были далеко. Он отбросил сигарету, и Таня вжалась в кусты. Ей было страшно, оттого, что они замышляют, на что идут, и она очень боялась, что ее обнаружат. Что будет тогда?

– Ладно, убедил, хитрюга, – хрипло сказал Сергей.

– Для тебя же стараюсь, – сказал Князев и ударил ногой по пустой консервной банке.

Какое-то время они молчали.

– А Зойку ты хорошо подцепил, молодец, – сказал Князев.

– Ты помолчи, это не твое дело, – хмурясь, сказал Сергей.

– Слушай, а что это Ласточка заглядываться на тебя стала, – вдруг глумливо спросил Князев. – Неужто вклепалась?

– Да зачем она мне? – равнодушно сказал Сергей, очищая ножиком ветку, думая очевидно, о чем – то своем. – Раз прокатил её на карусели, вот она и липнет.

– Во всяком случае, этим стоило бы воспользоваться. Она ведь – ничего....

– Заткнись, – оборвал его Сергей.

Горечь обиды захлестнула Таню. Она хотела встать и высказать им что-то, но что – не знала. Только что из уст человека, к которому была равнодушна, она услышала такое, что все лучшее, что было у них, вдруг разом оборвалось и пропало... Значит все напрасно! Значит, он тогда смотрел на нее и ничего не чувствовал! А она то, глупая, верила, ждала!

Таня совершенно не помнила, как отползла от места своего наблюдения и быстро зашагала между деревьев. Слезы обиды застилали ей глаза, и мир стал серым, скучным, надоедливым, как назойливый щенок. Как он мог такое говорить! Боже мой, они ведь готовят преступление! Князеву прощительно, тот может сказать все, что угодно. Но он, Сергей, он, оказывается, совсем равнодушен к ней!

Она давно была уже у Розы, они уже жевали бутерброды с колбасой, разливая чай в пластмассовые чашечки, душистый, парящийся.

И подошел автобус, сердито плюхаясь в грязь, звала и пересчитывала всех Мадонна, пришли уже давно Князев с хмурым Сергеем. И все они уже давно ехали через мокрый, зябнувший поселок по стеклянному асфальту домой. Все дальнейшее происходило для Тани как в тумане. Она ревела, но не наяву, а в душе, зная, что расплатится всю лишь тогда, когда не никого будет рядом.

Не смогла она успокоиться и дома, оставшись одна в комнате, рядом с любимыми вещами и книгами. Любовь дала трещину, жизнь отрезвила её, и Таня придумывала без конца способы мести, сразу же отбрасывая их, ибо по человеческим качествам обладала цельной, чистой и доброй душой, а такие люди могут любить и прощать, и никогда не мстят.

Глава 2. Сергей. «Чаша с отравой»

Пока отец, начальник крупного автомобильного завода, был на работе, сын его чаще всего был предоставлен самому себе.

Сергей рано привык к самостоятельности. Он сам играл, сам учился, и родители не очень – то много занимались его воспитанием. Отец никогда не рассказывал ему в детстве сказок на ночь, вообще не читал никаких детских книг, но с младенческих лет вел с ним разговоры относительно окружающей жизни, распространяясь о полезности того или иного дела. И Сергей слушал его всегда внимательно, не перебивая и многое запоминал.

Отец был для него тогда во многом образцом. Он всегда одевался торжественно и хорошо, в добротный костюм, ловко завязывая галстук, всегда был выбрит, причесан, опрятен, тщателен и медлителен в делах. Он редко шутил, больше говорил серьезно и строго, часто приподнимая палец вверх, чтобы подчеркнуть значительность сказанного, говорил всегда по делу, никогда не суетился и этим нравился сыну. Он был хорош в роли отца и сам знал это.

Сергей любил надежность и основательность отца, с ним всегда было спокойно и хорошо. Он как-бы противостоял матери – женщине мятущейся, беспокойной, вечно чем-то недовольной и слегка болезненной. Она никогда не существовала для Сергея всерьез, ибо уже сыграла отведенную ей природой роль. Он не воспринимал её "охи" и "ахи", её приставания с просьбами помыть руки или с намерением пожалеть, если ударился. По-своему, он, конечно же, любил мать, но рядом с отцом её поставить ни в коем случае было нельзя. Позже Сергей начал задумываться, почему отец женился на ней, пытался разгадать, чем она его привлекла, и не мог. Слишком красивой она не была, умной и серьезной тоже. Поэтому, мать всегда существовала для Сергея на периферии, на последнем плане, и он редко в своих душевных потребностях обращался к ней.

Учился Сергей отлично, чем удивлял отца, считавшего его способности довольно средними. Отец всегда старался контролировать учебу сына, скрупулёзно проверять уроки, тщательно просматривая тетради, внимательно и дотошно спрашивая даже географию и рисование. И Сергей не противился этому, ибо привык к такому контролю. Это его принуждало всегда готовиться и побеждать лень.

Отец взял себе за правило раз в месяц бывать в школе, осведомляясь об учебе и поведении сына, делая надлежащие выводы.

– *Математика* – корень всего, – говорил отец, подняв палец, поглядывая на тетрадь, лежащую перед ним. – Будешь знать математику, будешь вооружен в жизни, всегда сможешь все посчитать... Остальные предметы не так важны, но могут пригодиться в обществе, чтобы не ударить лицом в грязь, чтобы показать свои знания, свою общую культуру. Поэтому и стихи учить нужно, а потом где-нибудь, когда-нибудь, цитату нужную вставишь, и люди подумают: «Вот какой культурный человек, много знает».

Сергей привык к таким долгим сентенциям отца, слушал его всегда молча и покорно. Отец наказывал сына редко, но очень жестоко – тяжесть его руки Сергей запомнил на всю жизнь! В эти минуты он ненавидел отца, но, потом успокоившись, приходил к мысли, что у отца не было выхода, по-другому его, Сергея, не заставить. Выходит, отец опять прав!

С отцом Сергей никогда не был веселым, скорее серьезным и хмурым, как и сам отец. Гости, изредка бывавшие дома, говорили: «Какой серьезный мальчик!». Отец снисходительно улыбался, но никогда ни перед кем сына не хвалил, и, при чужих всегда держался с ним строго, наедине же – просто, по-дружески, но, никогда не впадая в шутовство или в баловство.

Дома было много книг, собрано было все, что именовалось книжным дефицитом. Были престижные и редкие собрания сочинений писателей разных времен и народов, философская, юридическая, искусствоведческая литература,

Но годами книги стояли нетронутыми, припадая пылью, спрятав свою мудрость.

Отец и мать почти ничего не читали, и только Сергей тревожил увесистые тома, полюбив, в конце концов, чтение. Родители всегда выписывали кипу газет и журналов, только это и читали.

Отец любил, утонув в глубоком кресле, читать медленно и деловито, делая в журнале пометки. Его лицо – крупное, массивное, значительное, в больших, блестящих золотом очках становилось строгим. Сергей, пристроившись рядом на диване, непроизвольно копировал его, воображая себя взрослым, значительным, придумывая себе и груз очков и, иногда, настолько входил в роль, что откликался по зову матери так же громко и сухо, как и отец.

– Он – твоя копия, – вздыхала мать и вновь принималась рассказывать о каких-то своих проблемах. Отец сдержанно слушал её, давал рекомендации, всегда мог дать ей деньги, но когда мать ему надоедала, он просто закрывался газетой и молчал. Мать, тяжело вздыхая, уходила к себе.

Сергей однажды услышал, как мама говорила об отце своей подруге и соседке в минуты откровенности: «С ним, как за каменной стеной. Надежно». И Сергей запомнил эти слова, как лучшую рекомендацию и характеристику отца.

***

Он полюбил ездить с отцом на охоту. Они вставали, когда город еще спал, выкатывали из гаража машину под холодные звезды, садились в ее прохладный, пропахший кожей, бензином и пылью уют, и ехали, освещая непроницаемую ночную мглу. Сергей любил наблюдать уверенные движения отца за рулем. Любил, прикрыв глаза, ощущать, как они летят в темноте, едва видимые в этом страшном, проваливающемся пространстве с танцующими огнями, и как замирает сердце от волнения. Любил держать руку в раскрытом окне, ощущая режущий холодный ночной воздух, любил смотреть на мелькающие, тихие, спящие дома, где спят люди, не зная, что он, Сергей, сейчас здесь, в автомобиле, летит как астронавт в темной, загадочной Вселенной, где планетами и звездами были огни редких встречных автомобилей.

Они въезжали в темный ночной и страшный лес, полный шорохов и звуков.

В бирюзово-темном небе нависала желтая коварная луна. Она не светила по-настоящему, а лишь создавала своим молочным, коварным светом лесных чудищ, состоящих из бесчисленных теней. Мигающие звезды были как-то ближе, роднее, понятнее.

Они встречали рассвет где-то у болота, греясь у костра, слушая треск дымящихся сучьев. От едкого дыма слезились глаза. Трепетные языки пламени освещали узкое пространство, выхватывая у темноты окружающие деревья. Было уютно, но несколько жутковато, казалось в темноте кто-то ходит, по-старчески кряхтит, крадется...

Постепенно начинало белеть, становилось холоднее. Верхушки деревьев вдруг вспыхивали красным, и за озером, цепляясь за высокую стену леса, карабкалось ослепительно-жгучее, красно-золотое солнце, бросая лучи на зеркальную гладь. Черная вода в озере превращалась в белую и седую, потом принимала бирюзовый, рубиновый и, наконец, ослепительно синий оттенок. Вдруг замолкали лягушки, и остро пахло рыбой, тиной и костром.

Отец шагал по болоту, уверенно палил из двустволки в уток, был крепок и силен, и нравился Сергею.

Потом они устраивали пиршество у костра, и отец, медленно жуя, говорил:

– Видишь, лес, какой огромный! Сколько гектаров древесины! Но весь лес рубить нельзя! Где охотиться будем, где дичи жить? Ко всему нужен разумный подход!

И это все запоминал Сергей, наблюдая, как отец пьет кофе, и солнце ласкает верхушки сосен, скользя по коричневым смолистым стволам, а в траве трепещет беспощадная, окровавленная, побежденная дичь...

Всего два раза в жизни Сергей видел отца слабым и беспомощным. «Он *растерялся*», – думал Сергей. – «А теряться нельзя никогда».

В первый раз это было, когда они после удачной охоты, веселые, мчались по шоссе и их остановил автоинспектор, молодой парень, попросил техталон за превышение скорости. Отец, как обычно, слегка улыбнувшись, уверенно протянул ему купюру, но парень строго посмотрел ему в глаза, что-то коротко сказав, отвернулся и ловко пробил дырку в техталоне. Отец как-то согнулся, растерялся, виновато улыбаясь, а потом нахмурился: в первый раз не сработал тот принцип, по которому он жил и благодаря которому вывел формулу, что так живет весь мир.

Иногда, после поездки в лес на охоту или на рыбалку, отец любил заезжать к своей знакомой Зинаиде. Она жила в собственном доме, за высоким металлическим забором. Была с отцом очень приветлива, дружелюбна к Сергею, давала ему конфеты, гладила по голове. Сергей относился к тете Зине равнодушно, не ожидая от нее ничего, кроме подарков. Но коль она была хорошей знакомой отца, то он терпел её, старался слушаться. Тетя Зина была пышной женщиной рубенсовского типа, как позже называл ее Сергей. Вокруг отца она суетилась, как подчиненный вокруг начальника, и кормила их с Сергеем очень вкусно.

После этого обычно отправляли Сергея во двор гулять, а отец всегда долго говорил с тетей Зиной о каких-то делах. Сергей основательно изучил широкий двор, заполненный штабелями дров и кирпичей, кучами полуржавого железа: тетя Зина вечно строила что-то и никак не могла достроить. Сергей играл с дворняжкой Тузиком, который радуясь неожиданному вниманию к нему, носился по двору, как бешенный.

Как-то во время очередной поездки, наигравшись вволю с Тузиком и заскучав, Сергей решил войти в дом, чтобы как-то поторопить отца. Путаясь в полумраке пахнущей обувью прихожей, он нащупал дверь и шагнул в комнату. Сразу же застыл, увидев удивительную сцену. Большая и тяжелая тетя Зина сидела на коленях отца, прижав голову к его плечу, а отец целовал её в щеку. Они тоже замерли, увидев Сергея. Отец, опомнившись, сказал коротко «Выйди!». А тетя Зина, подхватившись, растворилась в другой комнате. Ошеломленный и какой-то пристыженный Сергей вышел, спугнув под ногами кошку. Потом через несколько минут вышел отец, строгий и сердитый, поправляя галстук, и они поехали, всю дорогу не говоря ни слова. Больше об этом случае они никогда не говорили. Эта мгновенная растерянность отца, которую запомнил Сергей, таинство того, что совершалось, дали мальчику дополнительное представление об отце. ореол отца, как сильного, честного, непогрешимого хозяина жизни начал понемногу улетучиваться.

Оказалось, что отцу в той же мере, как и всем заурядным, обычным людям свойственны какие-то отходы от общепринятых норм, и окончательно это понял Сергей тогда, когда они, во время нехватки кирпичей для дачного строительства, тайно ночью стыдливо воровали эти самые кирпичи в соседнем селе, набрасывая их в багажник. И отец, рассеяно глянув в глаза сыну, увидев его вопросительный взгляд, заговорщически подмигнув, сказал: «Маленькая хитрость не помешает». Эти слова отца, суетливость и неуверенность его, страх в глазах, эта ложь окончательно дополнили его портрет, как личности.

***

Недалеко от их дома стояли старые, полуразвалившиеся корпуса какого – то завода, то ли перенесенного за недостатком сырья в другой город, то ли вовсе ликвидированного. Внутри старого здания помещения были заброшены, поросли травой и лопухами. Но для мальчишек они были настоящей находкой. Здесь можно было играть в рыцарей, представляя себя в старинной крепости с подвалами и подземными ходами, либо в войну, отстреливаясь от воображаемых врагов из-за углов, устраивая штабы в подвалах.

Вместе с мальчишками любил бродить среди развалин и Сергей. Им было интересно среди груд крохких красно-бурых кирпичей, брошенных ржавых измятых цистерн, выцветших, иссеченных дождями серых стен.

Здесь устраивались те игры, которые можно назвать жестокими, здесь ценились превыше всего безрассудная смелость и честь, здесь давались клятвы и происходили опасные поединки «до первой крови», здесь устраивались штабы, жгли костры, у которых рассказывались страшные рассказы, здесь курились первые сигареты, и особенно вкусно елась испеченная в золе картошка с черным хлебом и купленными в гастрономе консервами. Здесь начинались первые робкие и небрежные разговоры о любви и девочках.

Так старый завод формировал людей, шагнувших затем в трудную, взрослую жизнь...

В этих играх Сергей ничем особенным не отличался. Но его твердость, смелость ценились. Он не был заводилой, чаще стоя в стороне, но никому не позволял унижать себя. Он, увлекаясь, бежал в шумной, пыльной мальчишеской толпе, скользя по сыпучим обрывам, ныряя в серые от пыли, выросшие в рост человека лопухи. Он спускался по выщербленным ступенькам в темные тайны подвалов, бродил, балансируя, по гулким цистернам. Всегда и везде он шел за всеми, презирая трусов и не зная расчета. Он неохотно вступал в драки, но не сдавался, если бывал побежден. Он орал, кричал сквозь слезы о мести. И глядя в его ненавидящие, широко распахнутые от злости глаза, на сжатые костлявые, острые кулаки иные отступали, робели, проявляя нерешительность – столько в нем ощущалось силы и упорства.

В то время большим подвигом среди мальчишек считалось взобраться на вершину старой, ошетилившейся кривыми поручнями и ржавой лестницей башни, уходящей ввысь на высоту семиэтажного дома.

Редкий смельчак добирался до середины, а потом, цепляясь трясущимися от волнения руками за шатающуюся лестницу, осторожно спускался вниз, радуясь достигнутой высоте, рассказывая, о том, что он увидел сверху. Это считалось пределом смелости и отваги, поступком, достойным героя.

В тот ясный день августовский вечер они играли в заклепки у подножия башни. Сергей проиграл и вынужден был отдать свой замечательный переливающийся значок "Микки-Маус" рыжему верзиле Витьке Козлову. Витька в этот день набрал много добычи и хвастал, рассказывая, как в прошлом году он долез до самого верха башни. Он явно врал, но спорить с ним было рискованно – он был старше и учился уже в седьмом, его побаивались и говорили с ним уважительно и заискивающе. Сергей, рассерженный Витькиным бахвальством заявил, что он и сам запросто может вылезть на самый верх. Это пара пустяков! Витька сначала долго и презрительно смеялся, а потом, видя упорство Сергея сказал:

– Так ты докажи сейчас на деле, герой...

– Запросто, – ответил Сергей, силясь не показать охватившего его явления.

– Ну и вперед! Посмотрим, на что ты способен! Справишься – значок верну, – пообещал Козлов.

– А не врешь?

– Да я когда-нибудь врал? Спроси у всех, – развел руками Козлов.

Вокруг все одобрительно зашумели, из чего было ясно, что Витькино слово всеми ценилось и не доверять ему нельзя.

Сергей поднялся и быстро пошел к башне. Каждый шаг отдавался внутри стуком сердца. Башня казалась огромной, взметнувшейся в небеса с мощной катастрофической силой. Своим видом она, казалось, раздавливала смельчака, дерзнувшего подняться по непрочной и шаткой лестнице.

Ощущая на себе десятки глаз, Сергей быстро поднялся на несколько ступенек. Дальше подъем показался труднее. Его руки цепко держались за шатающиеся от старости ржавые перила. Перекладыны лестницы гнулись и пищали под ногами. Сергей старался не думать о

подъеме, сосредотачивая свои мысли на постороннем. Но с ростом высоты мысли не всегда удавалось контролировать. Уже не слышно было мальчишеских голосков внизу, чувство беспомощного одиночества охватывало его. Покалывало ноги, руки плохо слушались, дыхание сперло, в горле застрял сухой комок. А впереди было ещё неисчислимое множество ступенек. Глотая сухую слюну, вперив взор в ржавое тело башни, Сергей поднимался все выше и выше. Все неистовей стучало сердце, откуда-то взявшийся ветер трепал волосы. Он только и слышал вой ветра, скрип лестницы и свое сердце. «Главное-не смотреть вниз», – подумал Сергей и тут же глянул. Он был на невысказанной высоте, которая стрелой пронзила ноги и все тело, заставила его остановиться и вцепиться намертво в поручни. Он почувствовал безысходный липкий страх, но, вспомнив лица товарищей внизу, превозмог себя.

Передохнув, сделав усилие, стал снова медленно подниматься вверх. Каждый шаг давался с боем... И тут, вдруг, его мысли переключились, он вспомнил виденный прошлым летом в кинотеатре фильм "Земля Санникова". Там один из героев тоже взбирался на башню, причем, безо всякой лестницы, да еще с завязанными глазами, цепляясь лишь за уступы кирпичей, углубления в стене и почти достиг цели. Сергей зажмурил глаза и продолжал путь, как вдруг одна из перекладин прогнулась под ногой, и он пошатнулся вместе в ней. Его будто током ударило в сердце, острой болью пронзило руки и ноги, он едва не закричал, но заметил, что цель близка, она совсем рядом, до неё рукой подать!

Осторожно он поднялся на несколько ступенек и вышел на площадку ватными ногами.

Он задыхался от счастья. Ярко светило вечернее желто-оранжевое солнце. В небе еще пели, играли, кувыркаясь, веселые, свободные птицы, ветер дергал поручни лестницы, громыхала ржавым, полусорванным железом крыша. Сергей подошел к перилам, окружавшим площадку. Город, сильный, необъятный величественный рассыпался перед ним улицами, домами, площадями, мостами. Точки автомобилей, автобусов беззвучно бегали по автострадам, далеко на узкой ленте реки, также беззвучно пыхтя, полз пароход, человеческий муравейник беспечно ходил по улицам, не зная, что он, Сергей, здесь с высоты видит их.

Гораздо сильнее и мощнее города было небо: бело-голубое, с красноватыми оттенками, необъятное, могущественное... Он испытал необыкновенное чувство *полета над миром* и больше в своей жизни он никогда такого чувства не испытывал, переживал его еще повторно только во снах...

Он махал друзьям, и они казались ему гномами, стоящими у ног великана. Он плохо помнил, как спускался назад, осторожно, трепетно, но с победным чувством внутри. К нему бежали ребята.

Удивленный Витка Козлов кричал:

– Ну, ты даешь! – И протягивал ему значок.

После этого случая Сергей стал другим. Он понял, что может при усилении победить себя, свой страх, задавить его, спрятав вглубь. Он может формировать себя сам как человека.

***

Мир Сергея делился на три различных мира. Мир дома, то есть мир уюта, и, одновременно какого – то давления со стороны родителей – здесь он не был полностью свободным; мир школы – более ответственный, важный, строгий, и несколько скучный – здесь тоже свободой не пахло, и мир двора – мир свободы, друзей, постоянного общения, увлекательных игр, приключений. Неусыпный, надоедливый контроль родителей дома, учителей в школе, ограничивал его. Особенно подавляла его школа, одновременно дисциплинируя. Здесь необходимо было постоянно подчиняться школьным законам, слушаться учителей. Здесь ставили оценки, и нужно было показывать свое умение, свои способности. А для этого нужна была подготовка, то есть определенные усилия над собой. Проявлять их помогал ему в большей мере отец своим постоянным контролем.

Взяв хороший разбег в младших классах, Сергей уже далее не хотел снижать темпа, не допускал слишком резких срывов и учился ровно.

Уже в младших классах он попал в мир поднятых рук и быстро понял, что сидеть тихо, не быть активным – это не проявлять себя во всей полноте, не показывать на что ты способен. Поэтому Сергей всегда поднимал руку, стараясь быть замеченным, кричал "меня спросите, я знаю" и был замечен учительницей, а после – по заслугам оценен. Вскоре он привык показывать хорошие знания и получать хорошие оценки. Учителя знали его, как самоуверенного, упрямого мальчика, который всегда или почти всегда знал их предмет, кроме того – умел быть требовательным. Сергей не только знал материал, но и умел потребовать от учителя оценить его способности выше: «Вы поставили неправильную оценку. Я знаю лучше, а вы ставите мне четыре!», – сказал он как-то безапелляционным тоном учителю физики. – «Спросите меня еще». Недавно пришедший в школу молодой физик удивленно поднял брови. Он не привык, чтобы ему указывали, так как был уверен в собственной объективности при выставлении отметок, но, подавив нарастающий внутри него протест, сказал: «Да? Ну что же... Прошу!». Долго он гонял Сергея по всем темам. Сергей, с большим трудом, но все-таки смог настоять на своем, доказать свои знания и глядел торжествуя, как учитель, весьма удивленный упорством и знаниями ученика, исправляет ему в журнале оценку. Сергей круто повернулся и ушел, довольный победой. Он уверовал в то, что знает людей. Он полюбил развлекаться, задавая дополнительные вопросы преподавателям. Часто вопросы были такой сложности, что даже опытного педагога ставили в тупик. А Сергей радовался, что он показал большие, чем у учителя знания, смеялся над его растерянностью. Эта плохая привычка исчезла только тогда, когда ему на такой же коварный вопрос ответил пожилой историк:

– А ты и прояви инициативу, пороййся в книгах, да сам поищи ответ на свой вопрос. И запомни – все знать невозможно! Да и ненужно! Человек должен знать в подробностях лишь то, что составляет предмет его увлечения, перерастающий в будущую специальность, а также самое необходимое, то, что должно составлять его культурный уровень, эрудицию и дает ему возможность жить в обществе культурных и знающих людей. А все подробности невозможно знать даже специалисту. Для этого и существуют справочники и словари, специальные книги по отдельным наукам, вопросам, популярная, обобщающая литература. "Я знаю, что ничего не знаю" – эти слова Сократа подчеркивают вечное желание человека познать окружающий мир. Это желание никогда не прекратится, пока существует человечество. Я вовсе не против того, чтобы вы не задавали мне вопросы. Но и мои знания безграничны. Я продолжаю познание и сейчас. Я буду стараться, конечно же, всегда отвечать на интересующие вас вопросы. Но здесь важно не впасть в крайность! Как говорили древние, что один невежа может задать такой вопрос, что и сотня мудрецов не ответит. Подумайте над этим!

При этих словах Сергей опустил глаза, несколько пораженный и убежденный логикой старого учителя, и привычка задавать учителям каверзные вопросы исчезла сама собой. Позже он спрашивал лишь то, что его действительно интересовало, и получал пусть не сиюминутный, но обязательный и исчерпывающий ответ.

Мир не раз вводил Сергея в искушение, желание побеждало его внутреннюю честность, делало его слабым. Он рано понял роль денег в мире. В магазинах было много превосходных вещей. Но купить машинку или новых блестящих солдатиков, пистолет или книжку нельзя было без этих проклятых бумажек, из-за которых люди сходили с ума. Отец не баловал Сергея деньгами, считая, что карманные деньги испортят сына. Временами на день рождения или на праздник он вынимал из кармана трешку или пятерку. Это было для Сергея настоящим праздником. Изюм всех ног он летел в магазин купить пистоны, солдатиков или книжку. Но, в общем, денег у него никогда не было. Сергей приучился копить. Мама давала сыну мелочь на обеды, которую Сергей втихаря складывал внутрь пластмассового кубика с прорезью, сделанной кухонным ножом. Когда кубик был полон, он разрезал его пополам, подсчитывал деньги

и тратил. Но ему этого казалось мало. Он не раз заглядывал в шкаф, где оставались брошенные отцом или матерью рубли, и забирал их себе. Вскоре их накопилось много, и шуршащие бумажки доставляли Сергею необыкновенную тайную радость. Став старше, Сергей приучился сдавать бутылки, тайком уносил книги из отцовской библиотеки, сдавал их в комиссионный магазин. Вырученные деньги шли на те же книги, кино, мороженое, а позже – на походы в кафе с друзьями. С деньгами он себя чувствовал увереннее.

Раньше Сергей девочек не замечал, но со временем начал испытывать к ним некоторый интерес. Для него это были совсем другие существа, непонятные и удивительные.

Как-то летом Сергей был отвезен к дедушке, маминому отцу в село. Там был совсем другой мир: мир земли, растений и животных, леса, где пахнет грибами и хвоей, коров ленивых и вялых, заботливых копающихся кур, важных плавающих по воде уток, бодливых и глупых коз, верных собак и ленивых кошек. Над всем этим существовало большое сельское море зелени, освещаемое ласковым солнцем и орошаемое хрустальным дождем. Речка, рыба, синее чистое небо, жаркая пыль грунтовых дорог... Здесь было широкое поле для игр, здесь была возможность окунуться в природу, воображать себя кем угодно – индейцем, следопытом, путешественником, исследующим мир, неутомимым героем-солдатом. Полупустые колхозные дворы, фермы, коровники для Сергея были североамериканским ранчо или латиноамериканским асьендами, сельские кони превращались в мустангов, поля – в прерии, обрывы, овраги – в каньоны. Начитавшись Купера, Стивенсона, Жюль Верна и Сабатини, посмотрев в сельском клубе несколько раз «Апачей», «Золото Маккенны», или киношный цикл о бесконечных похождениях Винниту и Шаттерхэнда, Сергей "седлал" велосипед, заменявший лошадь в его играх, одевал соломенную шляпу с сильно закрученными полями, джинсы, ковбойку, прицепив у пояса игрушечный кольт и пластмассовый кинжал, играл в различные увлекательные игры, часто вовлекая в них наивных, дружелюбных, всем восторгающихся сельских мальчишек.

В толпе сельской шпаны одиноко торчала девичья головка. То была Лена, приехавшая на лето из города к соседям по Сережкиному двору, вечно с исцарапанными коленками, синяками, неутомимо, бегающая, стреляющая с мальчишками. Сначала Сергей не воспринимал её всерьез, но когда заметил её глаза, горящие восторгом при его рассказах, то, с какой радостью она соглашается на любое путешествие, он принял её, удивляясь, что в девчоночьем племени тоже есть достойные. Вместе они исследовали местный овраг, ездили, на велосипедах в поля, устраивали охоту на бизонов, «нападение индейцев на фургоны белых», поиски сокровищ каньона, «месть Зорро» и, со временем, Сергей уже забывал, что Лена девочка и дружить с ней мальчишке как-то не пристало...

Её девичью суть он ощутил, перейдя в девятый класс. В этот момент в нем уже произошёл перелом, которому подвержены все юноши: у него открылись новые взгляды на мир, он взволнованно стал замечать девочек, думать о них с интересом, видеть их красоту. Они менялись: постепенно из угловатых, нескладных, формировались в новые удивительные существа. Комочками у них начинала круглиться под платьем грудь, привлекательно колыхались под платьем тугие бедра. Он стал замечать красоту их глаз и волос, округлость колен – все это вызывало в нем необъяснимое волнение.

В то лето, узнав, что приехала Лена, он ожидал увидеть прежнюю подругу своих детских игр. И был поражен, увидев в калитке совсем другую, необычную Лену. Перед ним стояла невысокая, стройная девушка с аккуратно завитой прической, начинающей полнеть грудью. Старые игры были отброшены, а разговоры на эту тему казались скучными. Гораздо интереснее было теперь просто ходить на прогулки в лес, к реке, или в кино, сидеть на лавочке. Лена по-прежнему была общительной и дружелюбной. Они собирали ягоды и грибы в лесу, купались и загорали на речке, читая книги, и Сергей неустанно открывал в девушке новое. Лена казалась такой таинственной, заманчивой. Сергей начал относиться к ней совсем по-другому,

у него, вдруг, возникало желание погладить её по пышным, спускающимся на плечи легкими завитушками волосам, поцеловать её губы, как это красиво делали в кино. Но он, конечно же, на это не осмеливался.

Как-то они собирали цветы на роскошном лугу у леса, шутили, бегали. Уставшая Лена прилегла на траву, сплела венок себе, а потом Сергею. Обоих одолела душная полудрема, и, вскоре он, очнувшись, смотрел на ее дремавшую, свернувшуюся калачиком. Легкое платье облегло её фигурку. Он видел её нежную шею, молочный пушок на ушке и тихо поцеловал её сначала в ушко, а потом в краснеющую щеку. Она, безусловно, почувствовала это, но не подавала виду. А когда он осторожно положил руку на нежный комочек её груди, она вдруг со смехом вскочила и, вырвавшись, убежала. Потом долго гонялась, как ни в чем не бывало, с сачком за бабочками, мелькая загоревшими ногами. Сергей на бегу ловил её, и так они играли, пока Лена не рассердилась и не затихла. Необыкновенное волнение, вызванное прелестью и очарованием Лены, долго оставалось с Сергеем. Даже когда она, спустя неделю уехала, осталось чувство чего-то легкого, прекрасного, как облачко.

Вернувшись в школу, он уже другими глазами начал смотреть на девочек своего класса. Он уже замечал их глаза, волосы, особенности фигур, жестов, походок. Эти подробности откладывались в его сознании, постепенно формируя образ идеальной женщины, которая имеется в представлении каждого мужчины.

Большую роль в этом играли кино и телепередачи. Сергей стал чаще посещать кинотеатр. Его интересовали экранные истории, где протекала своя особенная жизнь, где в каждом фильме любили, страдали, ненавидели, боролись, стояли насмерть герои. Сергей стал примерять на себя роли многих актеров. То отпускал длинные волосы, пышные и мягкие, как у голубоглазого актера-певца Дина Риды. То ходил пружинистой, неспешной походкой, гордый, как «вечный индеец кино» Гойко Митич. Копировал находчивость, налет скептицизма и иронии Жана Поля Бельмондо. Долго тренировал себя, чтобы добиться такого железного спокойствия, как у Штирлица-Тихонова. В тяжелых ситуациях вспоминал о мужестве Овода. Идеалы героев менялись со временем, но Сергей поневоле приобретал какие-то полезные черты – это был мозаичный отбор лучших качеств человека в его понимании.

В старших классах его надолго оторвало от книг новое увлечение – современная музыка. От обычной эстрадной песни Сергей перешел к увлечению стилем «диско». Завораживающие ритмы Queen M., красивые мелодии ABBA, электроника групп Space и Зодиак, а позже – Жана Мишеля Жарра привели его к другой музыке.

В десятом классе всех их победил неистовый рок-н-ролл. Был пройден труднейший путь от The Beatles и Deep Purple – к Pink Floyd и Led Zeppelin. А потом увлекали будоражащие, нестандартные песни "Машины Времени", "Воскресения", "Аквариума". Как это все не походило на то, что слащавыми голосами с эстрады пели похожие на кукол певцы. Сколько здесь мыслей, новых образов, находок!

По рукам ходило множество пиратских, сотни раз переписанных концертов рок-групп. С помощью мощных колонок Сергей и его друзья не раз вслушивались в головоломные пассажи гитары Ричи Блэкмора, погружались в таинственный, потусторонний мир Pink Floyd, лихо кружились в танце под заводные ритмы зарубежной эстрады.

Все это целый день крутилось у Сергея в голове. Часами он бывал у друзей, прослушивая уже в сотый раз уже знакомые катушки.

Вскоре появились первые видеомагнитофоны, в основном, привезенные из-за рубежа. Теперь Сергей часто бывал у Лешки Князева, отец которого втридорога купил где-то японскую вертушку. Теперь друзья погружались в запретный и манящий западный мир, просматривая видео – концерты и художественные фильмы.

Но своего видака у Сергея не было. Отец отнекивался, когда шла речь о покупке, ссылаясь то на отсутствие лишних денег, то на отсутствие в магазинах самих аппаратов. Но Сергей

видел, что отца это попросту не интересовало, как, впрочем, и мать. Они предпочитали все деньги тратить на одежду, поездки на отдых в санатории, где бывали ежегодно.

За видео Сергей в те годы был готов отдать все!

Временами ребята ходили в гости к однокласснице Вале Карамзиной, отец которой, состоя, то ли на торговой, то ли на дипломатической службе, бывал за границей, откуда привозил дочери различные подарки, совсем недорогие по стоимости тех стран. У них была мощная стереосистема с бобинником, кассетный магнитофон с двумя вмонтированными колоночками, а, также видеоманитофон. Еще один – японский стоял на даче для просмотра кассет во время воскресного отдыха. Сергей поражался: «Зачем им столько? У меня нет вообще, а них целых две штуки!» Эти мысли упрямо вертелись в его голове, а тут Лешка поддал жару своим планом. А что если позаимствовать у них один? Карамзины люди беспечные, невнимательно следят за сохранностью своих вещей, особенно на даче. Так, родилась идея похищения видеоманитофона, и эта идея просто разъедала Сергея внутри. Его мучила совесть, но он загонял её поглубже, пряча на самое дно, не допуская к сердцу, стараясь мыслить рационально и повторять: «Ну и что тут страшного? Зачем им так много! Никто и не заметит!»

***

Прекрасным был тот осенний день. Солнце разбрызгивало желтые лучи по лимонным листьям, на которых еще светились изумрудами капли печального ночного дождя. В этот день Сергею было как-то не по себе, хотелось отложить то, что задумано, освободиться от подобных замыслов, уйти куда-то далеко в парк, побыть наедине с собой. Но он понимал, что отмахиваться от разработанного, договоренного плана нельзя, получится так, что вроде бы он в последний момент струсил, отступил, а подрывать свой авторитет не хотелось. Сергей был молчалив, хмур и зол. Князев же казалось и вовсе не переживал – был весел, беспечен, уверен в успехе, шутил. На уроках Сергей сидел как на иголках, был нервным, пренебрежительным, грубо ответил соседу, отказался отвечать по химии.

Его поведение не ускользнуло от внимания Тани, которая понимала его состояние лучше других и уже догадывалась, что их обоих может ждать. Её волнение нарастало. Получили ли её записку? Приняли какие-то меры? На перерыве ей вдруг захотелось подойти к Сергею и все рассказать, но она все не решалась. Как он отнесется к её поступку? Это конец, это предательство, это окончательно оттолкнет Сергея от неё. Но, по-своему, она ведь хочет спасти его!

Сергей ждал Князева в переулке, наблюдая за бойкой торговлей у прилавка, возле магазина. Продавщицы кутались в длинные, раздуваемые ветром халаты. Ветер гнал багряные листья и рваную бумагу. Приближающийся рокот мотоцикла обнаружил появившегося Князева, скрытого шлемом и очками. Он был горд, напыщен, небрежно затормозил и махнул рукой в перчатке. Другая рука нетерпеливо газовала, вызывая клубы тяжелого дыма. Сергей вскочил на заднее сиденье, и они помчались по городу как вихрь. Алешка ездил лихо и часто с недопустимой скоростью. Опасаясь ГАИ, они ехали не центральными дорогами, а дворами, узкими переулками, распугивая голубей, детей и пенсионеров.

Наконец вырвались за город. Острый, пронизывающий полевой ветер нес изорванные в клочья косматые обрывки туч. Проносились мимо унылые поля, косяки птиц разрезали узкими клиньями темно-голубой небосвод.

Проехав несколько километров по асфальтированной автостраде, свернули на узкую проселочную дорогу, хорошо укатанную автомобилями. Пыли после дождя почти не было, и только бесчисленные лужи заставили Сергея высоко поднимать ноги. Дачный поселок появился неожиданно, встретив их бойкой музыкой, скрипом и лязгом колонок и ведер, стуком топоров и молотков, веселыми голосами детей. Кое-где дымились костры, проглатывая сухую картофельную ботву, тонкие стволы подсолнухов, сухую листву. Кто-то жарил шашлык, и аромат сочного мяса, сдобренного обильно уксусом и вином, смешивался с запахом жарен-

ного лука. Бегали куры, кричали петухи, сзывая нетерпеливых насекомых склевывать рассыпанные после сбора урожая зерна.

Люди копались в погребках, пилили дрова, готовили окна к зиме, пекли пироги – поселок жил своей особенной жизнью. Сергею была неприятна эта возня: заготовка, хранение – люди думали только о себе, о своем обеспечении. Эти бесконечные мешки, ведра, консервация, погреба, дрова... Ему виделось в этом что-то скучное, необязательное и неправильное, ведь людей интересовал лишь мир утробный, телесный, а не духовный, не чувства. И все эти люди были толстыми, некрасивыми, равнодушными крысами с огромными животами, грубыми и себялюбивыми. А ведь когда-то, вероятно, они мечтали о чем – то высоком, прекрасном. Они увлекались, любили, разочаровывались, а затем сдавались, так как не имели сил бороться, падали, постепенно опускаясь, зарывая самих себя. В конце концов, они успокаивались. Их неумолимо засасывала среда. И все их мечты переродились в утробные желания вкусно поесть, полежать, посмотреть телевизор, лениво перелистывая газету, отмахиваясь от надоедливых детей. А потом, зевая, почесывая животы, завалиться спать, чтобы утром пойти на необходимую, но далеко не всегда любимую работу, где только и ждешь с нетерпением полочки, чтобы вновь покупать, потреблять, и нет этому конца. И весь этот бег по кругу завершится смертью. И станут возле гроба неблагодарные, но теперь смирившиеся, склонившие головы дети, которые вновь повторят круг своих родителей, предадут свои мечты, опошлят свою любовь. И лишь некоторые из этих людей не сдадутся, не смирятся, а продолжат бороться за хотя бы частичное осуществление своей мечты. Пройдя через мирские соблазны, они не успокоятся, будут пробовать, творить, и, вероятно, жить им будет нелегко. Но, как весом вклад таких людей, как не страшно им потом умирать, зная, что хоть на пару шагов, им удалось приблизить Далекое и Несбыточное.

Такие мысли одолевали Сергея, когда они проносились по поселку, в самый его край.

«А чем я лучше их?» – подумал вдруг Сергей. – «Тоже поддался собственным преступным желаниям. Они, по крайней мере, трудятся, а я? Но ведь многие из них нечестны, грабят государство, берут взятки... И с ними нужно бороться!»

Здесь поселок кончался. Начинались поля и редкие перелески. Спрятали мотоцикл в кустах, присели, покурили молча.

– Ну, что, Серый? Вперед! – сказал, наконец, Князев. Он заметно начал волноваться, руки его слегка дрожали. Они зашуршали травой к даче Карамзина. Улица на окраине была пустынна, ветер затих, было не по-осеннему тепло. Стояла тишина, слышно было даже как лист падает с дерева. Дача была окружена высоким крашеным забором. Оглянувшись, быстро перемахнули через забор, мягко спрыгнув прямо на густые смородиновые кусты. Притаились.

Сад был пуст и тих, упавшие листья собраны в аккуратные желтеющие кучи. Казалось было слышно, как дрожит паутина на кустах. Тихо и мягко пошли на полусогнутых ногах, пригибаясь, опасаясь, что их увидят из окна. Подобрались поближе к дому в глубине сада. У яблони, за кустами крыжовника, притаились вновь. Из глубины двора слышен был разговор, легкое пение, звон посуды – возможно у Карамзиных были гости.

Где-то совсем рядом кто-то начал рубить топором – бах, бах. Удары были сильные, каждый глухо отдавался в сердцах. А еще дальше, в соседних дворах, играли на гитаре, плакал ребенок. Сергею вновь захотелось уйти, но он и виду не подал. Казалось, за густыми деревьями, у дома подстерегала опасность.

Сергею надоело ждать, и он подтолкнул Князева – вперед! Пригнувшись, быстро, прорвались через кусты, холодные ветви яблонь – к дому! Ударило сердце – окно было открыто. Князев улыбнулся Сергею и подошел к окну.

И в этот момент черное, сильное, мускулистое тело с глухим рычанием откуда-то прыгнуло на него и повалило на землю. Острые зубы рванули кожанку. Превратившись в черный клубок, оба тела покатались по жухлой траве. Возня продолжалась недолго, и в тот момент,

когда Сергей, подскочив, вонзил нож в черное тело, вдруг послышался крик «Стой!» и грянул ружейный выстрел. Князев, тяжело поднявшись, исцарапанный, измятый, с порванной на спине кожанкой, бросился бежать, слегка ковыляя.

Оба в несколько шагов преодолели расстояние до забора, перевалившись через него. Бросились бежать что есть духу, слыша сзади свист, крики, хлопанье охотничьего ружья. Вскоре мотоцикл вылетел на дорогу и помчался на полном ходу, оставив за собой облачко тяжелой осенней пыли.

Глава 3. Таня. «Спаситель душ»

Вернувшись из поездки в колхоз, Таня долго не ложилась спать.

Темнота осеннего вечера липла как смола, создавая сумрачное настроение. Мама, помыв Танины грязные сапожки, заметила свет в ее комнате и вошла.

– Ты почему не ложишься? – спросила она, присаживаясь на кровать. – Разве не устала?

– Я устала, но спать не хочу, – отозвалась Таня.

– Сними свитер и джинсы, не валяйся в них на кровати. И почему ты не вышла ужинать?

– Не хочу, я не голодна.

– Все-таки надо поужинать.

– Мама, оставь, пожалуйста, меня!

– У тебя неприятности? Как съездили?

– Хорошо съездили. Я просто устала.

– Опять перебирали картошку?

– Да, но нам дождь помешал.

Мать вздохнув, положила ей руку на голову.

– Ты не больна? Может, поделишься со мной своими проблемами?

– Ну, пожалуйста, мамочка, я сделаю все, что скажешь. Я сейчас приду, поужинаю, только оставь меня!

– Опять ты замыкаешься. Ладно, ты еще придешь ко мне за советом.

Мать тяжело встала.

– Иди, кушай, там все еще горячее.

Таня поужинала, с удовлетворением отметив, что, наконец – то, осталась наедине с собой.

За окном мерно стучал в стекла дождь. В полутемноте свет фонаря падал на привычную с детства картину, где была изображена девочка с собакой. Маленькая девочка, обнимающая мохнатую шею пса, радостно улыбалась, а пес смешно высунул кончик языка.

«Ты как всегда радостная», – подумала Таня, глядя на девочку, – «А я – нет. Потому что, как ни печально, он не любит меня, не любит... Он даже не хочет смотреть в мою сторону. У него в сердце эта... Зоя. Она, в общем-то, симпатична... А я, разве я хуже её? Почему же не я выбрана им, а другая? Господи, помоги мне разобраться в этом!».

Таня рывком вскочила и, включив настольную лампу, сразу разрезавшую мрак призрачным светом, посмотрелась в зеркало. Она не считала себя уродиной, но сейчас её собственный вид, печальные темные глаза, такого же цвета, чуть завитые, волосы и начинающее крепчать тело вызвали у неё отвращение.

«Я, наверное, скучная, грустная и неинтересная, и какая – то одноцветная, все во мне не так. Кроме того, я, кажется, становлюсь коровкой. Хотя я и не толста, но у меня какие – то крупные кости. Точно – плебейская внешность! А Зоя – хрупкая, легонькая, как перышко. Все в ней изящно: тонкие кукольные руки и ноги, волосы как лен и глаза голубые, как небо, как морская даль... Но почему я не такая? Такая уродилась. А сейчас в моде высокие, изящные. Недаром Зойка хвалилась, что у неё фигура манекенщицы. А я даже ниже среднего роста. Такая невыразительная, серая... Кроме того Зойка умеет говорить с мальчиками чуть строго,

умно, с вызовом и слегка надменно, они так и клеятся к ней. А я вечно улыбаюсь или молчу как, дура».

Расстроенная Таня зарылась лицом в подушку. «Он никогда не полюбит меня, его сердце уже занято этой худышкой, этой... куклой. А я опять одна...».

Тане захотелось разрыдаться, чтобы стало легче, но слезы застревали у нее где-то внутри. Вспоминались подробности прошедшего дня, вспомнился весь разговор, подслушанный ею. Не спеша Таня перевернулась на спину, удобно легла, привычно положив ноги на спинку кровати.

«Так, так, они хотят украсть видеомагнитофон, вещь достаточно дорогую. Фактически совершить преступление! Бог ты мой! Как они могли решиться на такое! Ведь если их поймают, то исключат из школы – это первейшее дело! Да еще и выгонят из комсомола. И я его больше не увижу. Несчастный, он будет где – то страдать... А вдруг его посадят в тюрьму? Князева не жалко, это законченный тип, он получит по заслугам, хотя бы за то, что подделывал оценки в журнале, прятал дневник, украл череп из кабинета биологии. Кроме того, он прогуливает, курит, и, кажется, уже пьет... А Сережку жаль! Хотя, впрочем, ну и пусть! Чего его жалеть? Все равно он меня не любит! Получит по заслугам! Может тогда Зоя узнает, какой он человек и отвернется от него!»

Долго еще Таня лежала в темноте, раздумывая и переживая, и в голову приходили самые разные, порою, совершенно полярные мысли. Вздыхая, вслушиваясь в монотонный стук дождя, все же решила окончательно: «Нет, Сергея жалко. Видимо, он не виноват, это его Князев впутал. И зачем он связался с ним? Он же может на любое преступление толкнуть. Все, что есть отвратительного – заключено в этом субъекте! Надо спасти Сергея, остановить его. Но как? Пойти и сказать ему? Но он же посмеется над ней! Спросит, откуда узнала? Значит подслушивала? Тогда вечный позор, он будет презирать её! Написать ему письмо? Но это почти то же самое! Сказать родителям, учителям или самой Карамзиной – это значит настучать, заложить. Провалиться сквозь землю можно после этого! Нет, нет нужно по-другому. Необходима полная секретность...»

Таня вдруг увлеклась, вспомнив читанные ею детективные и авантурные романы. «А что если написать *письмо-предупреждение*, – подумала она. – «Неизвестное лицо предупреждает о грозящем преступлении. Воспримут как нелепую шутку? Как хулиганскую выходку? Просто не поверят и выбросят письмо? Нет, в подобной ситуации каждый здравомыслящий человек все-таки посчитает, что нет дыма без огня и примет какие-то меры! Во всяком случае – можно попытаться».

Мгновенно вскочив, она села к столу, вынула лист бумаги.

Когда Таня закончила писать, то почувствовала, какое – то удовлетворение. Откинувшись на спинку стула. «Он еще благодарен мне будет! Со временем, надеюсь, поймет, от чего я спасаю его... Какие иногда только глупости совершает человек! Возможно, с моей стороны это будет маленькая месть».

Легла, свернувшись калачиком. В такой позе застала её мама, белеющая ночной рубашкой.

– Я зашла выключить свет, думала, что ты уже спишь!

Она присела рядом, и легонько погладила дочери волосы. Какая же дочь непонятная, упрямая, но, в то же время, хорошая. Не очень ей везет в жизни, вечно одна, возится со своими книжками, людей не замечает. Говорит, что не понимает их, а они не понимают её, а сама такая скрытная, о своих обидах ничего не говорит. Сколько раз уже вызывала её на откровенный разговор – все напрасно. А так хочется помочь ей, потолковать о девичьих горестях, посоветовать что-то, ведь и она сама такая была...

– Ну, скажи, что случилось, поведай мне.

Таня подняла голову:

– Ох, мама проблемы разные, школьные.

Мать серьезно посмотрела на дочь. В её глазах отражались искорки света лампы. Она сказала назидательно:

– Ты уже сейчас должна подумать о будущем. Закончишь десятый класс, куда будешь поступать, какую профессию выберешь? Это сейчас главное!

– Ах, мама, не спрашивай. Я еще не решила! Может быть учителем, может быть библиотекарем. Мне нравится возиться с книгами, когда слышу шорох страниц – волнение пробивает...

Когда мама погасила свет и ушла, Таня, наконец – то, дала волю своим напряженным чувствам и залилась слезами. Постепенно ей стало легче, и она крепко уснула.

***

Таня всегда ладила со своими родителями и очень их любила. Никогда отец или мать её не били – такие у них были принципы, даже если Таня порою проявляла непослушание. Они жили дружной, крепкой семьей и только в последнее время Таня "в семье родной, казалась девочкой чужой".

С того далекого, сказочного детства, что окутано дымкой времени Таня запомнила ласковые руки мамы, добрые её глаза, звук воды, льющийся в таз и поднимающееся оттуда облако пара. Мама доликает холодной воды, долго пробует её струящимся движением руки и, развернув полотенце, в которое была завернута Таня, опускает её в таз. Колючее, холодное пространство черно – белой комнаты обрывается, исчезает, тело обволакивается убаюкивающей горячей массой воды, блаженное тепло разливается по телу, покалывая в пятки.

Таня смеется, когда мама, набрав этой воды в кувшин, тоненькой струйкой поливает её, мгновенно тело в холодной комнате остывает, покрывшись пупырышками. Мама бережными движениями рук намыливает Таню, едкое мыло больно щиплет глаза, Таня визжит, а мама быстро вымывает её глаза горячей струйкой из кувшина. А за окном мороз нарисовал столько сказочных узоров на стеклах! Таня слегка дрожит, завернутая в теплое, мягкое полотенце, а за окном, хрустя сапогами, ходит отец...

Таня помнит двор того дома, где они снимали квартиру, заботливо гребущихся кур, хитрых красноглазых кроликов в клетках, толстого дымчатого кота, дремлющего на солнце... Отец готовит удочки, раскладывая готовые на низкой, покато́й железной крыше сарая. Мама развешивает на проволоке белье, и оно тяжело полощется на ветру. В углу двора куча белого песка, из которого Таня строит домики для гномиков, а вместе с соседским мальчиком Ваней – замки с башнями, ров, наполненный водой, с деревьями растущими вокруг. Рядом – солдаты с флагами, пушечками. Они будут проводить штурм. Таня увлечена, она даже забыла о своих куклах. Потом Ваня катает её на велосипеде, большом, ослепительно красном. Вот Таня едет одна, волнуется, боится упасть. У неё возникает гордость оттого, что у неё получается, что двигая ногами, она заставляет велосипед мчаться, и радость переполняет её.

Очень она любила гулять с отцом. Она усаживалась на сильной его шее, обхватив ручонками курчавую его голову, и они шли так далеко за город. Вкрадчиво, осторожно опускался вечер, уставшее солнце алыми отблесками омывало железные крыши домов, скользило вниз, цепляясь за деревья, то и дело, выныривая из-за крыш и деревьев, пока, наконец, расплывшись огненным заревом, устало засыпало где-то на краю земли.

Они выходили за город, в поле, сумрачное, необозримое, слушали пение сверчков и шепот ветра. В сумерках жило лишь шоссе, питаемое разрезающим мрак желтым светом редких автомобилей. На небе рождались молодые, свежие, нарядные звезды, перемигиваясь друг с другом, а их предводитель месяц покачивал рогатой лукавой головой.

Отец пел военные, солдатские песни, мужественные и печальные. И Тане нравилось подпевать уже хорошо знакомые мотивы, одновременно наслаждаясь простором и ночным спокойствием. Тайна и мудрость природы уже тогда затронули её душу и не покидали её нико-

гда. Этот мир дружелюбия и спокойствия, царивший в семье стал резким диссонансом тому жестокому школьному миру, что встретился Тане.

Придя в школу, она добродушно и смело подходила к одноклассникам, предлагая дружить, уверенная, что они откликнутся на её зов. Действительно, поначалу она подружилась со многими, но потом начались презрительные смешки за её спиной, холодность, мелкие обиды. Некоторые подруги, пользуясь её простодушием, считали своим долгом выманить у нее красивую переливающуюся авторучку, игрушку, открытку, блокнотик или книжечку, ничего не предлагая взамен. Мальчишки часто толкали ее, давали подножки, смеялись. Унижение, грубость, жадность, коварство, жестокость – вот, что было ответом на её дружбу. Все они были как – будто из другого мира – холодного, чужого, нечеловеческого. И все-таки Таня не отчаивалась наладить контакт! Часто в кругу девчонок она увлеченно рассказывала те истории, что поведал ей отец, пересказывала интересные книжки, какие читала ей мама. А они слушали невнимательно, часто презрительно фыркая, смеясь. Казалось, их ничего не интересовало, они ничего не читали, больше играли, собирали, коллекционировали; цель их состояла в том, чтобы собрать больше и выманить у кого-то, обманув его, а не поделиться тем, что есть, не говоря уже о том, чтобы великодушно подарить.

Через какое-то время Таня уже начала понимать, что слишком уж строго судила одноклассников. Были у них и хорошие черты. Но, все же, школьный мир нанес ей такой душевный удар, что она даже не хотела идти в школу, плакала и говорила, что ни с кем там не может подружиться.

Постепенно она привыкла к такому новому и сложному миру, далеко не всегда справедливому, стала держаться в стороне от других, больше молчать, замыкаясь в себе, и лишь только с некоторыми сохранила дружественные отношения. Настоящей её подругой стала Роза Давыдова, маленькая и тихая девочка. В Розе было много того, что было и в самой Тане: созерцательность, простодушная восторженность, мудрое спокойствие и терпимое, почти любовное отношение ко всему окружающему, страсть к книгам. Роза пришла в школу, когда Таня была уже в пятом классе, переехав из другого города. Вместе они ходили в музыкальную школу, играли на фортепиано, часто вместе учили уроки либо дома у Розы, либо у Тани. Таня привила своей подруге любовь к стихам, передав ей то, что волнует её саму и радуясь душевному отклику Розы на это.

Училась Таня хорошо, тройки были редко, а двоек она не допускала. Не любила математику, но обожала литературу, языки, историю. На уроках была внимательной, поэтому её всегда ставили в пример.

Стремительно бежали школьные годы. Из долговязого, угловатого подростка, Таня расцветала в девушку. Она стала серьезней, но внутри оставалась такой же романтической и поэтичной. Как и её сверстниц, Таню стали интересовать проблемы дружбы и любви. Она стала читать серьезную литературу, открыв для себя целый мир зарубежной классики. Благодаря тому, что она была многолетним добросовестным читателем библиотеки, ей доверяли редкие книги, разрешаемые лишь в читальном зале. Часто до ночи Таня зачитывалась потрёпанными томиками Гюго и Стендаля, Гете и Гофмана, Диккенса и Войнич, Драйзера и Хемингуэя.

Закончив девятый класс, Таня чувствовала себя совсем взрослой. Уже с начала весны она почувствовала какое-то неясное томление в груди, энергию, бьющую внутри неё. Ей кружила голову пьянящая, расцветающая вокруг природа, просыпающаяся ото сна. Тонкие ветви деревьев взорвались почками, открыв путь маленьким клейким листочкам. Запах яблоневого цвета и душистой сирени кружил голову. Сбросив почерневший, умирающий снег, земля родила шелковистую травку, солнце из равнодушного, холодного стало добрее и теплее. Умытая майским дождем, природа улыбалась, растопив людские сердца, разбудив птиц, поющих на радость весне. Тане тоже хотелось петь, танцевать, смеяться. Ей снились удивительные, приятные и

загадочные сны; приходил Он – нежный и сильный, как капитан Грэй из "Алых парусов", сжимал её в объятиях и их уста сливались в нежном поцелуе.

Таня стала больше времени проводить у зеркала, рассматривая себя в различных нарядах, создавала воображаемые прически. Одев легкое, воздушное платье, подведя ресницы, накрасив губы, одев новые туфельки на высоком каблуке и взяв легкую сумочку, она прогуливалась по городу, наслаждаясь весной, легкостью воздуха, ощущая на себе взгляды юношей, что доставляло ей неопишемую радость. За спиной начинали расти невидимые крылья и, кажется, сейчас взлетишь в небеса. Ласковый ветер обвеивает легкое платье и это прикосновение приятно, что плакать хочется от неведомого счастья... Такой праздник души был нов для Тани, и он украсился тем волшебным вечером с Сергеем, принесшим позже грусть и печаль.

***

Несмотря на накрапывающий дождик, Таня в этот вечер пошла к Розе. Вместе они готовились к серьезной контрольной по алгебре. При свете лампы, сгрудившись у конспектов и учебников, они решали некоторые сложные примеры.

– Ну, все. Не могу уже, устала, голова раскалывается на части, – сказала Роза, захлопнув учебник.

– А что ты запоешь завтра? – улыбнулась Таня и подчеркнуто вздохнула.

– Да будь, что будет. Ну не дается мне эта "высшая математика". И кто её выдумал?

– «Алгебра и начала анализа», – грустно прочитала Таня на обложке учебника.

– Раньше это проходили на первом курсе института, а теперь нам вдалбливают это в школе.

Таня посмотрела в окно.

– Уже поздно, мне пора идти.

– А может, подождешь, сейчас будут готовы мамины пирожки, – сказала Роза, заботливо искушая.

Таня заколебалась:

– Пожалуй нет. Дождь начинает усиливаться. Темно и время позднее. Мои старики хоть и не перепуганные, но если я через час-полтора не появлюсь – будут очень волноваться. А до дома еще добраться надо!

В полутемной прихожей она натянула на свитер курточку и попрощалась. Роза жила далеко от Тани. Необходимо было ехать несколько остановок на автобусе. Летом такое расстояние преодолевалось без трудностей пешком, но в осенние сумерки не каждый решится идти через узенькие улочки, мимо частных домов с их мрачными стенами, глухими заборами, запирающимися калитками, лязгающими цепью, воющими собаками. Хмурые, грязные улицы практически не освещались и были схожи с утробой зверя. Идти было жутко и трудно.

Таня долго топталась на остановке. Автобус часто задерживался, и сейчас, как, на зло, улица была пустынной. Немногочисленные пассажиры, поругивая автобус и погоду разошлись, и Таня, отчаявшись, накинула глубже башлычок, храбро перешла дорогу и вступила в таинственную мигающую темноту старого города.

Ветер трепал ветви деревьев. Тьма сгущалась, легкий знобящий дождик тихонько постукивал по башлыку куртки. Во мраке трудно было обходить грязь, и Таня старалась держаться поближе к домам, где немного суше, поминутно опасаясь собак. Так она шла какое – то время, постепенно привыкая к темноте.

Дождь прекратился, идти стало легче. Впереди горел фонарь, а в конце переулка уже виднелась площадь, залитая огнями перед возвышающимся зданием театра. Впереди была цивилизация!

Неподалеку слышались голоса, хриплое пение, звон гитары. «Подвыпившие юнцы», – подумала Таня и заторопилась. Она неприязненно относилась к уличным парням, не терпела их приставаний и сальных шуточек.

Они шли вчетвером, что-то орала и смеялись. Таня отошла в сторону и почти вжалась в забор. Они окинули её взглядами.

– Ты посмотри, какая "фемина", – произнес один из них удивленно.

– Кто, кто? – слышались голоски других. Они вглядывались в полумрак. Таня, пройдя мимо, ускорила шаг, но слышала, что парни повернули и пошли за нею. Тане оставалась идти несколько минут, площадь уже была видна достаточно ясно.

– Девушка, а вы не хотите познакомиться с нами? – произнес один деланным елейным голоском. Таня молча шла дальше.

– Ну, это девушка, невежливо, – захихикал другой. – Мы ребята хорошие, веселые, умеем отдыхать, а вы молчите. Вы прямо мороженая рыба какая – то, как будто только из магазина!

Все дружно загоготали, а один из них забежал вперед и преградил Тане дорогу. Это был долговязый, волосатый тип, на круглом упрямом лице мигали маленькие тупые глазки. Он отворотительно ослабил, видимо был откровенно пьян.

– Стойте девушка, – говорил он, едва ворочая языком, – мы хотим с вами пообщаться!

– Послушайте, я спешу, дайте, пожалуйста, пройти, – сказала Таня как можно вежливее, хотя внутри у нее все бурлило.

– Х-ха! Она спешит! Скажи, какая *принцесса*, – громко сказал долговязый, и эта его бесцеремонность и наглость вселили больше уверенности в его спутников.

Они обступили Таню.

– А вот мы не спешим, – сказал невысокий парень с елейным голоском. – И хотим, чтобы ты прошлась с нами, прогулялась. Мы тебя не обидим.

И уже совсем другим голосом добавил:

– Братва, да она классная бабенка! – и всмотрелся в её лицо. От него пахло перегаром.

– Щас, мы её погладим, – произнес плотный парень, до сих пор молчавший.

Его прыщавое лицо показалось Тане знакомым. Он протянул к ней руку.

Таня инстинктивно отшатнулась, у нее сжалось сердце. Ах, почему она не дождалась автобуса... Нужно прорваться и бежать, мчаться поскорее к площади и кричать, там часто дежурят таксисты на своих машинах.

– Ребята, я, вас прошу, отпустите меня. Вы выпили, идите домой, отдохните.

Раздался наглый истеричный хохот.

– Слышь, она нас домой отправляет! Если мы и пойдем домой, то только вместе с тобой, – сказал прыщавый, и, схватив её больно за руки, притянул к себе.

Таня вскрикнула, пытаясь вырвать руки, но бесполезно – она была схвачена словно клещами. Волосатый гогоча, нагло облапил её. Таня вновь закричала, с надеждой подумав, что может, кто-нибудь из обитателей этих домов услышит. Но дома молчали как мертвые, хотя в некоторых окнах горел свет. Люди отсиживались за своими заборами и замками.

– Тихо, не кричи, дура! Из домов никто не выйдет, а до площади далеко – не услышат, – сказал кто-то спокойным и трезвым голосом. Это был четвертый, стоявший сзади с гитарой.

Таня была в отчаянии.

– Отпустите, прошу вас! – закричала она, оглядываясь все ещё на притихшие мокрые дома и темные калитки. Кое-где лаяли собаки, да ветер трепал фонарь, который медленно раскачивался, поминутно мигая. Кто-то из них, закурив, ткнул зажженной сигаретой ей в лицо:

– Закурить не желаешь, девочка?

– Пойдешь с нами!

Таня все оглядывалась на площадь. Хоть бы один прохожий прошел!

Парни нагло болтали, хохотали, тянули её за собой, пока вдруг откуда-то с полумрака не раздался спокойный выразительный голос:

– Отпустите её! Ребята, право же, четверо на одного – нехорошо! Тем более перед вами девушка!

Все мгновенно оглянулись, застыв в оцепенении. Недалеко в свете фонаря стоял незнакомец в длинном пальто и шляпе. Он был с виду молод, худошав, черты его лица скрывались тенью от обвисших полей шляпы.

Стоял он гордо и прямо, говорил твердо, почти не повышая тона:

– Нехорошо так! Вас, что же не учили вежливому и учтивому обращению с дамой? А вы сейчас ведете себя как варвары, как дикари-людоеды. Отпустите девушку, извинитесь и идите по домам, а завтра хорошенько подумайте о том, что вы сделали.

– Слушай, дядя, вали отсюда, пока мы тебе не накостыляли! – хрипло сказал прыщавый.

– Ишь, какой моралист выискался, как бы сам по роже не схлопотал, – добавил елейный голосок.

– Зачем же так? – слегка улыбнулся незнакомец. – Давайте разойдемся мирно. Отпустите девушку!

– Она с нами, – вдруг сказал кто-то. – Это наша девушка. Мы с ней просто выясняем отношения. Так что не вмешивайся!

Таня бурно запротестовала. Появление таинственного прохожего внушило ей какую-то надежду на спасение.

– Нет, нет, они сами ко мне пристали! Я шла домой и совсем с ними не знакома, – поспешно заговорила она.

– Что ты врешь! – заорал один из хулиганов и шлепнул её по щеке. – Сучка ты наша, шалава подзаборная.

Таня вскрикнула.

– Ну, это уже переходит все рамки, – сказал незнакомец. – Отпустите её, она не хочет идти с вами! Я приказываю!

– Да кто ты такой, чтобы приказывать! – закричал невысокий парень.

Вдруг Таня заметила подходившего за спиною незнакомца одного из парней.

В руках он держал увесистую заборину, вырванную из чьей-то ограды.

Таня испугалась, но ей быстро закрыли рот.

– Слушай, ты мне надоел, – сказал парень и поднял палку.

Незнакомый прохожий ступил шаг в темноту, как – будто что-то шепнул, а потом, вдруг блестяще ударил парня носком ботинка в коленную чашечку. Тот ойкнул, но прохожий не дал ему опомниться, быстрым движением перехватив руку парня за кисть, мгновенно закрутил её за спину. Заборина выпала.

– Ой, больно, – зашипел парень, отскочив в сторону.

Все это происходило на глазах изумленной публики. Руки, державшие Таню, мгновенно разжались – хулиганы готовились к нападению. Маленький с елейным голоском остался с Таней, держа её за руку, а долговязый, подскочивший к незнакомцу с кулаками тут же получил удар ногой в пах, согнулся и заскулил, прыгая на полусогнутых ногах. В тот же момент прыщавый подскочил сбоку и махнул рукой, блеснув металлическим предметом, и незнакомец как-то поморщился, согнулся.

– Ах, так! – морщась от боли, досадливо сказал он и произнес громко одно слово «Царь!»

Мгновенно появившийся из темноты огромный, с теленка ростом, густой клубок шерсти, беззвучно прыгнул на нападавшего. Тот заорал, как оглашенный. Бешеный ком, схожий больше с медведем, метнулся к другому парню. Щелкнули зубы, послышался звук раздираемой ткани. Глухое урчание огромного пса превратилось в рев.

Насмерть перепуганные, израненные острыми клыками, хулиганы позорно бежали вглубь переделка.

Путь был свободен. Таня вздохнула облегченно. Незнакомец отозвал собаку и погладил её по густой шерсти, успокаивая. Пес гневно лаял в сторону скрывшихся во мраке, одновременно, обнюхивая Таню. Она осталась наедине с человеком в пальто. Глядя в темноту, он философски, как бы для себя произнес:

– Они бежали во мрак, их же породивший!

Таня была переполнена чувством благодарности за свое спасение.

– Вы так помогли мне. Я просто не знала, что и делать! Большое спасибо!

Она решительно протянула руку.

Он смотрел на неё заинтересовано, поглаживая спину пса:

– Какие пустяки. Защищать человека, попавшего в беду – это долг каждого. Я видел, как вам было плохо, и помог.

Он слегка улыбнулся и пожал её протянутую руку. Улыбка его была какой-то болезненной, насильственной.

– Кроме того, это не столько я, сколько Царь, – добавил он. Когда он произнес имя, пес радостно завилал хвостом.

– Ой, а я и забыла поблагодарить вашу огромную собаку. Она не кусается? Можно взять её лапу?

– Как она кусается – вы уже видели, – сказал, незнакомец. – Но к хорошим людям это не относится, правда, Царь? Дай лапу, Царь, это хорошая девушка...

Царь посмотрел своими коричневыми глазами в глаза Тани, а потом не спеша протянул свою толстую, мохнатую и тяжелую лапу.

– А какая это порода?

– Ньюфаундленд.

– Так это же название острова! Он возле Канады!

– Точно. Вы хорошо знаете географию. Собака как раз оттуда, – он лукаво улыбнулся, потянулся к ошейнику и внезапно сморщившись, схватился за бок.

– Что с вами? – испуганно воскликнула Таня. – Вы ранены?

Незнакомец сунул руку под пальто, а когда вынул – она была вся в крови.

– Да у вас кровь, – заволновалась Таня. Мысль о том, что из-за неё пострадал человек, сжала её сердце. – Необходимо вас перевязать и отвести скорее в больницу.

– Успели пырнуть ножом, сволочи, – стиснув зубы, сказал незнакомец. – Впрочем, ерунда, царапина, обойдемся без больницы!

– Но вы же истечете кровью! Возьмите хотя бы мой платочек, – быстро проговорила Таня.

– Благодарю покорно! – Незнакомец, взяв свой платок и соединив его с Таниным, приложил их к ране.

– Ничего, заживет. Пустяки!

Он подошел ближе к фонарю.

– Да они лишь кожу распороли. Нож в складках одежды застрял. Так что рана пустяковая! Бывает и похуже!

Для Тани все происходило как во сне. То, что уже поздно и дома ее наверняка ждут и тревожатся, как-то позабылось.

– А вы далеко живете? Я обязательно провожу вас, вы все-таки ранены.

– Я живу недалеко, но как же вы? Мой долг, прежде всего, довести вас! – сказал незнакомец.

– Куда вы пойдете в таком состоянии, – покачала головой Таня. При свете она видела, как побледнело лицо незнакомца. В голове у неё мелькнула мысль, что она не так давно видела где-то этого человека и эту собаку.

Оказалось, что идти им почти по дороге. Незнакомец жил недалеко от Таниного дома, всего в нескольких кварталах. Он сначала отказывался опираться на её руку, но она настояла.

Так они и шли вместе по улице, украшенной сине-розовым светом фонарей, обходя блестящие золотыми и голубыми искорками лужи. Из-за туч показалась желтая луна. Таню переполняло чувство благодарности желанием проявить участие и заботу.

Договорились, что зайдут сначала к нему перевязать рану, а потом он проводит Таню.

Дождь уже давно закончился, и ветер гнал маленькие волны по черным блестящим лужам. Временами порывы ветра качали черные деревья, и тогда огненно-темный водопад тяжелых от дождя листьев медленно опускался на асфальт. Небо украсилось серебряными звездами.

Незнакомец шел медленно, молчал, изредка бросая необходимые фразы. Видимо он чувствовал себя не лучшим образом. Пес спокойно и важно шел рядом, его шерсть от дождя слиплась.

«Его помыть надо бы», – подумала Таня. Её нервный стресс, вызванный сильным эмоциональным напряжением, постепенно улетучился, но чувство огромной благодарности к незнакомому человеку, спасшему её честь, а возможно, и жизнь только усилилось, заставило её преисполниться решимости, преодолеть всегдашнюю застенчивость. Чувство заботы и долга привело её к жилищу незнакомца, по её мнению, благородного и честного человека.

Они вошли в темный подъезд и почти наощупь пробрались по лестнице. Незнакомец вынул из кармана пальто фонарик и попросил Таню поддержать его. Острый желтый сноп света помог ему вставить ключ в замок. Вспыхнул свет в прихожей. Здесь было мало вещей, что выдавало одиночество человека. Таню вдруг охватило новое волнение, нерешительность, но незнакомец дружелюбно улыбнулся, и его улыбка сразу сняла все её тревоги:

– Проходите, не стесняйтесь, гостьей будете! – А потом приказал собаке:

– Царь! На место!

Собака улеглась на коврик в прихожей, оставив за собой на полу грязные следы лап. Таня забеспокоилась:

– Давайте, быстро, вашу аптечку. Сделаем перевязку.

Как хорошо, что они проходят медицинскую подготовку в школе!

Таня помогла незнакомцу снять пальто. Под свитером было огромное кровавое пятно, платочки пропитались кровью, капающей на пол. Висевшая над холодильником аптечка, содержала в себе минимум лекарств, необходимых человеку. Таня быстро нашла спирт, йод, бинт и пластырь. Рана над бедром была неглубокой и, закончив перевязку, Таня сказала:

– Я, думаю, быстро заживет. Вы так пострадали из-за меня, извините меня и большое спасибо вам!

– Ну, за такую красивую девушку стоит пострадать, – полушутя произнес незнакомец, и это смутило Таню. Потом он серьезно добавил:

– В мире столько лжи и насилия, что если люди не будут помогать друг другу, то погибнут. Что вас привело в такой поздний час в эти жуткие края?

Таня рассказала о своем возвращении от подруги.

– Вам следует быть более осторожной. Молодая девушка, да еще в такое позднее время не должна ходить одна. У нас, к сожалению, можно встретить всяких мерзавцев и подонков. И тут незнакомец спохватился:

– Простите, я так и не представился сам и не узнал имени моего прелестного доктора. Антон Иванович Терехов. Но это слишком длинно и торжественно звучит. Меня все просто зовут Антоном, прошу и вас так меня называть.

– А я – Таня. Таня Ласточкина.

– Очень приятно.

Антон слегка поклонился, пожав протянутую маленькую руку немного смущенной Тани.

– Да что мы сидим на кухне! Таня, прошу вас в комнату.

Таня неловко встала и прошла вперед. К ней вернулась былая застенчивость, но полностью смущенной она себя не чувствовала. Чем-то хорошим и добрым веяло от этого человека. Чувствовалось, что он не может её обидеть, причинить ей зло, тем более он был её спасителем.

Войдя в комнату, она остановилась очарованная. Казалось, стены комнаты растаяли, открыв, чудный, удивительный мир! Он был подобен сказочному замку или волшебному музею.

Мягко струился свет, озаряя многочисленные картины, из которых просто било в глаза волшебство и удивительная энергия. Самые разнообразные тона красок – снежно-белый, пронзительно-голубой, бирюзовый, гранатово-красный, мягко-зеленый, лимонно-желтый, ослепительно синий сочетались в гармоничных переливах. Здесь было то, что Таня, казалось, уже давно видела, имела в душе, но никогда не могла выразить – так были верно подмечены художником и переданы на полотнах эти состояния души. Впечатляло также и обилие, разнообразие тем, образов и сюжетов.

Среди молочно-белых, легких облаков летели прекрасные лебеди, и далеко внизу виднелась печальная, забытая земля, покинутая ими, и грустная девушка в белом платье с надеждой и печалью глядела им вслед.

Скачущие по огненно-красной равнине быстроногие лошади, легкие, свободные, сильные и гордые своей свободой, бегущие навстречу огромному, ослепительному солнцу.

Неземной закат с удивительными оттенками красок, брызжащий потоками света из-под нависших низко облаков.

Темный, до черноты, дремучий, бушующий, страдающий от бури лес, где хозяин-ветер гнет мощные деревья. Но картина вселяла надежду, веру, в то, что лес устоит перед натиском неистовой стихии.

Ослепительно-нежные, голубые и белые краски гор в сочетании с сиренево-синим небом.

Великолепная картина грозы с белыми и огненными зигзагами молний, бушующих над съёжившейся, затихшей маленькой, темной деревней.

Прекрасные оттенки моря, сурово бьющегося о мрачные древние серые скалы, на которых высится древний замок с единственным огоньком в башне.

Страдающий, изможденный старик над восковым, бледным лицом умирающего сына.

Сидящая у зеркала и смотрящая на свое отражение, полунагая с алебастровой кожей и водопадом льющихся волос, девушка.

И множество других образов и сюжетов – всех их невозможно было бы перечислить, их нужно осматривать тщательно и долго, получая истинное наслаждение, испытывая праздник души.

Несмотря на то, что Таня смогла лишь охватить глазами, вобрать в себя лишь часть всего этого великолепия, оно уже плеснуло в её душу, заставив её запеть, заставило содрогаться её сердце, ликовать каждую клеточку тела. Когда она, наконец, опомнилась, то переполненная трепещущим радостным чувством едва не задохнулась, тихо взялась за сердце и легонько присела на краешек стула. Только тогда она вспомнила об Антоне, застывшем у дверей, чуть улыбающемся, довольном произведенным на девушку эффектом от его работ.

– Так вы художник! – вырвалось у Тани.

– Ну, это может быть громко сказано! Просто занимаюсь живописью в меру сил, – сказал Антон, усаживаясь в скрипучее кресло, напротив.

– И все это вы сами нарисовали? – спросила впечатлительная Таня.

– Практически все эти картины написаны мной, за исключением тех, что стоят в углу, их недавно подарил мне мой друг Володя, и я ещё не придумал, куда их повесить. Вам очень понравилось?

– Понравилось – не то слово, – смело сказала Таня. – Я просто очарована ими. Такого искусства я еще никогда не видела.

– Танюша! Давайте перейдем на "ты", так нам будет проще общаться, – вдруг предложил Антон.

Таня кивнула, не придав этому большого значения.

– Таня, разве ты не была в музеях, выставочных залах? – спросил Антон.

– Практически нет. Из города мы только дважды выезжали на экскурсию. Но я люблю живопись, у меня есть репродукции некоторых художников, чьи картины производят на меня впечатление. Кого? Семирадского, Врубеля, Васнецова, Куинджи, Рериха, Глазунова, Шагала, например, ну, еще, иконопись Андрея Рублева. А также, конечно, западных мастеров-классиков. Но, здесь... я отчетливо увидела все наяву, это заставило меня так переживать, что передать трудно...

– Я все и так вижу и, очень рад, что тебе понравилось. Ты немного не похожа на других, раз искусство способно тебя волновать. А ведь это только мое искусство, оно еще не так совершенно, а если бы видела работы моих друзей...

Таня рассматривала картины, прохаживаясь по комнате, что-то говорила, находясь под впечатлением, а Антон не спеша комментировал сюжеты полотен, наблюдая за девушкой, такой трогательно очаровательной, что у него защемило сердце. Он вдруг понял, что видит перед собой чистую, светлую душу. Она открыта для всего – дружбы, любви, творчества.

Рассказывая о своих работах, он уже явственно представлял, как у нее может сложиться судьба в этом мире. Особенно, если такая душа неокрепшая, открытая и чистая встретится с грязью, грубостью, глупостью, насилием....

А ведь ещё полчаса назад она находилась на грани этого. Что заставило её идти куда-то с незнакомым человеком, оказывать ему помощь, а потом восторгаться здесь картинами так чисто и простодушно. Что это, как не наличие доброй, благородной и сильной души, пока ещё не подвластной тьме. Ах, как хорошо, что он привел ее сюда! Теперь обида, нанесенная ей мерзавцами, заполнилась хоть чем-то добрым и прекрасным. И как важно вовремя протянуть ей руку дружбы, укрепить её в этом, уберечь её от возможного падения.

Антон вдруг заволновался и, чтобы успокоиться, стал смотреть в открытое окно. Таня заметила на столе над диваном, множество небольших работ с гномами, принцессами, кораблями и замками.

– Это я начал писать иллюстрации к сказкам по заказу одного издательства. Часть уже сделал. Тут еще много набросков, – пояснил Антон.

Затем Таню привлек портрет красивой светловолосой девушки с тюльпанами в руках. На голове у нее был капюшон, и глаза были печальными.

– Какой трогательный портрет, – сказала Таня. – Это реальная девушка или созданный в воображении образ?

– Эта девушка была моей женой, – просто сказал Антон.

– Удивительно красивая у вас жена, – сказала Таня, чуть смутившись. – Но почему вы говорите "была"? Ой, простите, я, кажется, перехожу грань дозволенного!

– Ничего тайного в этом нет. Она действительно была. Она погибла...

– Боже мой! – волнение Тани было искренним. – Но как же это?

– Произошла трагедия...

Таня видела, как нелегко Антону даются эти слова.

– Вам очень тяжело вспоминать, не нужно...

– Это долгая история, – махнул рукой Антон, вздохнув. – Это давно было.... Как-нибудь в другой раз... Но мы опять на «вы»?

– Мне трудно как-то сразу привыкнуть...

– Понимаю!

Таня вдруг почувствовала время. Чувство реальности охватило её, и она, забеспокоившись, посмотрела на большие часы на стене, сделанные в виде теремка. – Простите, но я засиделась у вас. Мне ведь нужно идти.

– Подождите, – опомнился Антон. – Что же это я? Даже не предложил вам кофе. Через минуту все будет готово!

И он поднялся, направившись на кухню.

– Нет, нет, что вы, уже поздно, мне нужно домой, иначе родители будут искать меня, и перевернут весь город.

В её голосе была решительность, да и время было уже позднее, и Антон сказал:

– Погодите, я вас провожу, только наброшу пальто.

– А как же ваша рана? – забеспокоилась Таня. – Может вам лучше полежать?

– Да, пустяк это, царапина, заживет быстро. А чувствую я себя вполне сносно.

Антон помог Тане одеться и вынул из шкафа две большие книги с цветными иллюстрациями и положил в пакет.

– Возьмите, почитайте, если интересуетесь искусством... Здесь хорошие репродукции и немного полезной информации. Но главное – репродукции. Внимательно смотрите их, это многое дает...

– Большое спасибо, – обрадовалась Таня, быстро перелистывая тома.

Вышли вместе в промозглый осенний вечер. Дождя не было, лишь ветер по-прежнему ворочал озябшие листья. В лужах опрокинуто отражались серебряные холодные звезды, спокойная величавая луна, горящие желтые фонари.

Царь аккуратно обходил лужи, важно и неторопливо, с чувством собственного достоинства.

Таня все еще была под впечатлением картин и необычного знакомства, и поэтому думала о своем. Антон кутался в пальто, краешком глаза наблюдая за девушкой.

Когда они дошли до её дома, Таня повернулась лицом к Антону:

– Ну, что, будем прощаться. Вот здесь я живу. Спасибо вам еще раз за все, что вы сегодня для меня сделали. Спасибо тебе, собачурка, – она вздохнула шерсть Царю, вдруг испугавшись сама этой смелости и удивляясь, тому, что Царь её не тронул.

Антон улыбнулся, догадавшись о причине ее удивления и сказал:

– Он хороших людей не трогает. Умный пес.

А потом серьезно, глядя пристально в глаза Тани, сказал:

– Таня, послушай меня внимательно. Я чувствую, что ты не такая девушка как другие. Ты особенная, душевная... (Таня смущенно махнула рукой). Таких как ты, удивительно чистых, добрых, очень мало на свете. Я не знаю, увидимся ли мы еще... Но я тебя приглашаю приходить в гости, когда выпадет свободное время. Адрес ты знаешь. Если меня не будет, пиши записку и бросай в почтовый ящик, безо всякого стеснения. Помни, в моем доме никогда не обижают и никогда никого не унижают. У нас можно говорить, можно молчать, читать, петь, в общем – свобода! Я тебе многое покажу, познакомлю с друзьями. Приходи! Хорошо? Я видел, как ты реагировала на искусство, мне не хотелось бы чтобы мы, люди, у которых общие взгляды и интересы, общие души – жили разьединенно в этом мире.

Антон чувствовал, что говорит отрывочно, бессвязно, не так как ему хотелось бы, и в душе ругал себя...

А ветер играл нежными, пушистыми волосами Тани, и в темноте горели её глаза. Тане передалось волнение Антона, но она ещё не могла осмыслить важность этой встречи. Ей казалось, что впереди много интересного, увлекательного!

– Я обязательно приду. Вот только освобожусь.

И ее маленькая ручка исчезла в большой руке Антона.

Зайдя в подъезд, она остановилась на лестничной площадке первого этажа и внезапно для себя пошла вниз и тихонько выглянула из дверей подъезда.

Высокая фигура в пальто и огромный черный пес удалялись, шагая вдоль аллеи, заброшенной охапками листьев. Она мгновенно вспомнила тот вечер в парке, когда она летала между звезд, трамвай, забрызганное изумрудными каплями окно и фигуру человека с собакой, насквозь промокших под дождем.

Она улыбнулась и освещенная какой-то небывалой радостью, даже не думая о неизбежном оправдании дома перед взволнованными родителями, быстро метнулась наверх.

Глава 4. Сергей. «Грани Алмаза»

Он сидел у костра, вслушиваясь в шорох леса, который мощной серо-зеленой громадой раскинулся перед ним, исчезая далеко за горизонтом. Голубоватый дым костра заставлял слезиться глаза, принося аромат горящих еловых веток. Временами он палкой ворошил тлеющие уголья веток, пробуя пекущуюся в черной золе картошку.

Вспомнился ночной сон, кошмарный, жуткий – воспоминания о нем преследовали его уже несколько дней. Он бежит через сад Карамзиных с магнитофоном. Сзади слышны крики погони и злобный рев ужасного пса. Он бежит, напрягая все мышцы, но топот преследователей все громче и, кажется, сейчас острые клыки пса вонзятся в его ногу. Сад нескончаемо длинный, бежать то и дело мешают кусты и ветки, больно бьющие в лицо, и Сергей кричит от невозможности спастись, напрягает все силы и взлетает... Погоня остается далеко внизу, он летит к облакам. Но магнитофон в руке становится все тяжелее и тяжелее, он тянет его к земле и, не выдерживая тяжести, уже у самой земли, Сергей выпускает его, но и сам падает... Он лежит, все тело ноет от боли, а над ним склоняются поочередно неестественно огромные и страшные лица милиционеров, Карамзиных, Мадонны, отца и матери, хитреца Князева, одноклассников, и, конечно же, Зои. Она смотрит на него с укором и грустью...

Он проснулся в липком поту. Побрел на кухню и долго пил воду, а потом лил ее на голову, успокаиваясь, говоря себе, что все это лишь сон.

Целую неделю Сергей ходил мрачный, под воздействием происшедших событий. Попытка похищения, сама по себе противная его природе, кроме того, ещё и не удалась. Но то обстоятельство, что их чуть ли не поймали, что о них знали, их ждали, да и нападение страшного пса, выстрелы – все это ввергло его в беспокойное состояние.

Они долго с Алешкой обсуждали то, что произошло. Было ясно видно – Карамзины каким-то образом узнали о готовящейся краже. Но откуда они узнали – оставалось тайной. Ведь кроме них с Алешкой никто не знал об операции! Оставалось лишь нелепое предположение, что кто-то их выследил, когда они оставили в кустах мотоцикл, лезли через забор и пробирались к дому. Но все то, что произошло, наложило сильный отпечаток на их души. Валя Карамзина, придя в школу, рассказала о том, как двое вооруженных до зубов бандитов забрались в их сад и пытались ограбить дачу. Но отец принял меры предосторожности. Проклятые бандиты тяжело ранили бедного Туза и в панике бежали, потеряв на месте преступления мотоциклетный шлем. Отец вызвал милицию, так как попытка совершить преступление все же была. Лиц преступников не видели, известно только, что их было двое, оба были в джинсах и куртках и оставили после себя следы кроссовок.

Эта весть в классе вызвала интерес. Лишь два человека равнодушно отнеслись к ней – Сергей Тимченко и Алексей Князев. Они сидели мрачные, равнодушные, о чем-то своем думали, лишь время от времени, с усилием, улыбались.

Высказывались лишь самые нелепые предположения. Валя Карамзина сказала, что это хулиган Финн, со своей командой, которые носятся на мотоциклах по улицам. Олег Девяткин предположил, что это случайные налетчики, позарившиеся на чужое добро. Тамара Витрук заявила, что это... пришельцы из космоса, ведь она знает страшную овчарку Туза, и вряд ли

обычный земной человек мог бы с ней справиться. Конечно, это предположение было встречено смехом и отвергнуто тут же...

Вскоре волна схлынула. Поговорили-поговорили и забыли об этом, в общем, не очень-то примечательном происшествии. Если бы Сергей был более внимателен, то он бы заметил, с какими глазами и с каким волнением в эти дни смотрела на него Таня Ласточкина. Но Сергею было не до неё. Он был мрачен, зол и подавлен. Он ругал Князева за неосторожность и потерянный шлем. Храбрившийся Алешка говорил:

– Да брось, ты Серый! Не бойсь! Нас найти они не смогут, не будут же они со всей школы отпечатки пальцев брать.

– Со всей школы не будут, но с нашего класса могут.

– А ты, оказывается, боишься, Серый!

Сергей обозлился:

– Да не боюсь я! Это все твои дурацкие планы! Мне сразу не понравилась твоя «операция». Слишком уж фантастическая по исполнению, и дурак я был, что пошел на неё.

Алешка обиженно отвернулся, и Сергей понял, что перегнул палку.

– Ну, ладно, Лёха, не обижайся, вместе в это вляпались и, слава Богу, что всё обошлось! Могло быть и хуже!

– А если все затихнет, не попытаться ли снова? – вдруг осмелел Алешка.

– Да ты что, очумел! Кто же теперь все на даче открытым держать будет? Теперь у них будет ухо остро! Хватит, надо доставать вертушку честным путем. Лешке не понравилось слово «честным», но возразить он ничего не мог, так, как и сам здорово в тот день испугался, да и выхода из ситуации не видел.

***

Но никто из них, ни Сергей Тимченко, ни, тем более, легкомысленный Алешка Князев, не знали ничего о загадочном письме, пришедшим к Карамзиным накануне их «операции». Он было следующего содержания:

Уважаемые!

Мне доподлинно стало известно, что в нынешнюю субботу ваша дача может подвергнуться ограблению. Сведения получены из источника, достоверность которого несомненна. Поэтому прошу поверить мне и принять надлежащие меры.

Доброжелатель.

Письмо было написано старательным ученическим почерком и привело в недоумение Аристарха Павловича Карамзина и его жену. Долго они гадали – шутка это или этому известию стоит поверить всерьез. Да и воровать у них на даче особенно нечего! Но вечером Аристарх Павлович все – таки вывел из гаража свою "Волгу" и отправился на дачу, где собрал все ценные вещи, которые могли бы быть похищены, хорошенько проверил все запоры, двери и ставни. Не очень – то веря сообщению неизвестного *Доброжелателя*, опасаясь злобной шутки, они не вызвали милицию, но, когда в выходной поехали на дачу, выпустили в сад огромную овчарку Туза. На всякий случай Аристарх Павлович держал заряженным охотничье ружьё.

Они пили чай за столом, врытым под яблоней, вместе с соседями, зашедшими на огонек, как вдруг услышали шум, возню, рев и лай собаки по ту сторону дома. Наверное, пес там кого-то рвал. Аристарх Павлович бросился в дом за ружьем, из которого потом и стрелял вслед неизвестным, посмевающим забраться в его сад.

– Хулиганы! Обнаглели окончательно! И все потому, что нет за ними надлежащего призора. То картошку выкопают, то мак срежут, то цветы оборвут, то яблоню обтрясут. А сей-

час, что с собакой сделали! Еще и ограбить хотели! Нет, пора их урезонить! – кричал рассерженный Аристарх Павлович.

Были вызваны работники милиции, и, учитывая положение и влияние на городские власти товарища Карамзина, назначили расследование. Был найден мотоциклетный шлем, множество следов, которые привели розыскную собаку к придорожным кустам у оврага, где, как выяснилось, был спрятан мотоцикл злоумышленников. Дальше следы обрывались.

Вскоре расследование было прекращено, но, все же, внимательный и дотошный капитан Никаноров пришел в школу, где училась Валя Карамзина. В кармане у милиционера лежало таинственное письмо неизвестного *Доброежелателя*. Он познакомился с классным руководителем 10-а класса Мадоновой Юлией Сергеевной, и взял характеристики некоторых учеников класса, чье поведение было неустойчивым. Среди них была и характеристика Алексея Князева. Внимательный капитан просмотрел также дневники ребят и их сочинения по литературе. Из всех сочинений он отложил только одно. Простое сличение записки, присланной Карамзиным, почерка в сочинении и в дневнике безо всякой экспертизы показывало, что писал все это один человек. Это были тетрадь и дневник Тани Ласточкиной.

Обо всем этом Сергей, конечно же, не мог знать. Через неделю затихла в школе суматоха с попыткой ограбления дачи Карамзина, и он постепенно успокоился. Однако совесть его была нечиста, и он время от времени вспоминал происшедшее, как что-то неприятное в его жизни. Этот случай научил его обдуманности, взвешенности в будущем, тому, как важно не поддаваться чужому влиянию и думать лишь своей головой...

***

В лесу раздавался перестук дятла. Он бил мелко и быстро, дополняя своим стуком обилие звуков леса. Среди этой музыки то и дело слышались голоса переговаривающихся ребят, радостные восклицания по поводу найденных грибов. Вскоре на поляну тяжело дыша и смеясь, вышли долговязый Олег Девяткин и фигуристая Валя Карамзина. Валя была в облегчающих спортивных брюках и свитере, который то и дело отряхивала, выбирая елочные иголки. Её ведерко, было до половины наполнено ароматными коричнево-рыжими грибами. Олег собрал мало, так как то и дело снимал Валю фотоаппаратом в разных ракурсах, и теперь довольный, поглаживал чехол фотоаппарата.

– Молодец, у тебя просто нюх на грибы, – похвалил Валю Сергей.

– Жалко, грибной сезон скоро кончится, – сказала Валя, собирая волосы и закалывая их. – Вот Зойка молодец, старалась, собрала больше. Да и Олег мне мешал, все время щелкая...

– Да где уж мешал, – улыбался чуть возмущенный Олег. – Ты сама была рада, что тебя снимают, корчила из себя кинозвезду.

– Без тебя я бы больше собрала... Мы вот посмотрим, какие у тебя фотки будут. Опять все расплывчато, нельзя будет разобрать, где лицо, а где ноги...

– Что?! – обиделся Олег. – Да я с девяти лет занимаюсь фотографией, я ас в этом деле!

Удивленно наблюдая, как Валя смеется, он притворно замахнулся на нее:

– Вот я сейчас задам тебе, клеветница!

Оба устало сели у костра. Вскоре из леса выскочил как ужаленный Князев.

– А-а-а-а! – орал Лешка, держась сзади за больное место, – колючкой уколола сволочь!

И он погрозил кому-то вдаль кулаком.

Из леса, тяжело ступая, вышла уставшая Зоя. Её ведерко было доверху наполнено грибами. Все так и привстали от удивления. Серьезная и строгая Зоя рухнула у костра и сказала:

– Собрала бы больше, если бы этот гад не мешал.

Князев, не растерявшись, нагло отвечал:

– Да это я все грибы собрал, а она всего лишь воспользовалась...

– Что?!

– А того! Без меня ты как без рук. Я тут все грибные места знаю.

– Смотрите, какой чемпион выискался, – язвительно сказала Зоя. – А ну, пошли, посоревнуемся, кто за полчаса больше соберет!

– А у меня... это, спина болит, нога тоже что-то ломит, – ответил Князев, состроив несчастную мину. – Я даже встать не могу!

Все дружно засмеялись.

– Ну, ладно вам, – сказал Сергей, – картошка готова!

Он уже выкатывал из золы, дымящиеся, с ароматной коркой, картофелины. – Налетай!

Ребята стали хватать горячую картошку, шипя и охая, перебрасывая картошины с руки на руку, а Князев не выдержав, обжигая рот, уже начал давиться хрустящей коркой. Зоя нашла в рюкзаках крупнозернистую соль, консервы, а Валя нарезала черный, душистый с тмином, хлеб.

Зоя придвинулась ближе к Сергею, словно бы ища у него защиты от порывов ветра на этом холмистом месте, и Сергей накинул на неё свою теплую куртку, уловив благодарность в её голубых глазах.

– Вы знаете, если все это приготовить дома, это будет не так вкусно, – жуя, заметил Олег.

Заметно похолодало. Ветер гладил верхушки черно-зеленых сосен, гордых, строгих, неподдающихся осени, готовых принять суровые ужасы зимы. Все устали, говорили тихо и мало, больше вслушивались в природу. Сумерки подкрадывались незаметно и постепенно окутывали окружающий лес, создавая ему тайну, надевая его закоулки призраками первобытного, необъяснимого страха человека перед всем темным, мрачным.

– А завтра контрольная по физике, – тихо сказала Валя.

– Ну и что? – буркнул Олег.

– Ну, тебе то все равно, ты отличник, а я не напишу, не понимаю...

– Да и не готовился сегодня никто, воскресенье ведь, – нарушил, наконец, свое молчание Сергей.

Валя встрепенулась.

– А давайте попросим, чтобы отменили контрольную, или уйдем всем классом.

И она озорно подмигнула.

– Я – за! – быстро ответил лежавший Князев. – Мне эта физика триста лет не нужна! – А мне нужна, я поступать буду. Нужно иметь хороший аттестат, – сказала Зоя.

– А я и так поступлю, без физики, – сказал Алешка. – Старик куда хочешь, устроит! – Хорошо, если у тебя такой пробивной отец, – заметила Зоя, – а я буду поступать как все.

– Вот с тебя и выйдет такой специалист, который ничего не будет знать и никому не будет нужен, – сказал Сергей, обращаясь к Князеву, глядя на потухающий костер. – Это почему же? – спросил, недоумевая, Князев. – Я нагоню. Кроме того, у меня будут референты, они будут помогать.

– Ты что же, уже в начальники метишь? – спросила Зоя.

– А то, как же – ответил Князев, и все засмеялись. – Достигнуть степеней известных цель моя!

– А я не хотела бы быть такой, как отец, – сказала Валя. – Он ни знает покоя ни днем, ни ночью. В отпуск поедет, побудет пару дней – отзывают из отпуска, то одно дело без него не ладится, то другое. В лес уедет, на курорт, – и там найдут. Он с нами, а вроде, как и не с нами. Постоянно рассеянный, думает о делах. Тяжело ему, да и мама недовольна, часто ссорятся.

– Руководителем нужно родиться, – вдруг серьезно, как-то уже совсем по-взрослому сказал Сергей. – Тяжелее всего с людьми работать... Не знаю, смог бы?

– А я бы смогла, – сказала Зоя, глядя ему в лицо. – Только тогда вряд ли замуж стала выходить. Сочетать семью и ответственную работу невозможно, когда на твоей совести люди, финансы....

– А как же любовь, Зоя? – смело спросила Валя, чуть улыбнувшись.

– Всю любовь буду вмещать в работу.

– Ну, нет, я не такую любовь имела в виду.

– Ну, если человек попадется хороший, любящий, тогда и выйду. Впрочем, ну его, это начальство!

– Действительно, что – то вы все сегодня такие скучные, – сказал Князев, устраиваясь поудобнее на расстеленной куртке. – Давайте анекдот расскажу...

Но и анекдот не смог рассеять задумчивое настроение, все засмеялись, но как-то деланно, нарочито, повинувшись привычке, а потом быстро смолкли.

То ли устали они, то ли просто пришло время поговорить и подумать о серьезном, о будущем. Ведь каждый из них знал, что через несколько месяцев все это закончится, и они, быть может, больше никогда не встретятся, и какой она будет новая жизнь?

– Поздно уже, пора ехать. Электричка через тридцать минут. Сворачиваемся! – деловым тоном сказал Сергей.

Затоптали костер, и пошли нестройной толпой по лесной дорожке. Сумерки постепенно окутывали лес. Шорохи стали отчетливее, ветер стих.

Все шли, громко разговаривая, чтобы не слышать таинственных ночных звуков.

Ледяные звезды рассыпались по небу веером...

На станции они решили завтра уломать молодого физика оттянуть контрольную.

В электричке, под перестук колес, Зоя почувствовала, что засыпает и аккуратно положила голову на плечо Сергея. Он ощутил прикосновение её легких, льняных волос и скосил взгляд на ее лицо: нежный овал щек, маленький подбородок, изящный миниатюрный носик, нежные раковинки ушей. Ресницы были светлые, брови тоненькими, чуть пушистыми. Почему-то пришло в памяти сравнение ее лица с нежной лилией. И Сергей, не стеснясь немногочисленных пассажиров, вдруг аккуратно и тихо, опустив голову девушки на руки, одним прикосновением губ поцеловал её. Зоя вздрогнула, пошевелила головой, устроилась поудобней, но глаз не открыла, казалась спящей. Сергей решил не будить её и стал смотреть в окно на гирлянды огней, пролетающих в ночи.

***

Познакомились они летом в ЛТО. Стояла удушающая жара, поникли деревья, листья казались спящими непробудным, мертвым сном, о существовании ветра забыли все, а немилосердное, раскаленное солнце плавало человеческие тела, как воск. Разгоряченные, потные, в столбах удушающей пыли сильные мальчишеские тела гоняли мяч, глаза шарили по полю, руки вздымались вверх, чтобы стереть струящийся соленый пот со лба, заползающий в глаза, плавно плывущий по щекам. Работали ноги, не знавшие усталости, перемещавшие тела по всей площадке, готовые в любой момент парировать удар. И вот забили гол, который, наконец, сровнял счет, и Сергей устало отошел на край поля, вытирая пот, снимая на ходу мокрую майку и, совершенно случайно, его глаза встретились нежным васильковым цветом. То были глаза новой ученицы, серьезной и недоступной, ее недавно перевели из другой школы. Она пристально, немного восторженно смотрела на него, и Сергей почувствовал удар в сердце, больший, чем все удары, которые он дотоле получал. Играя дальше, он уже не мог забыть этих глаз, постоянно чувствуя её взгляд. Он уже играл для неё, старался принимать такие позы, чтобы выглядеть лучше, мужественнее и, остановившись, он вновь видел её, розовую панаму, спадавшие из-под неё кукольные волосы и вновь красоту этих васильковых пронзительных глаз, пробуждающих что-то теплое и радостное в груди. Это придало ему силы, он быстро передал пас, и когда с его подачи был забит последний гол, он стал одним из героев дня. Нарочито небрежно, не обращая внимания на Зою, он шел умываться, и когда его тело внешне остыло, сердце продолжало пылать пламенем, зажженным девушкой с таким круглым именем.

А вечером на дискотеке он уже искал именно её, решив пригласить на быстрый танец. Зоя танцевала уверенно, но сдержанно, была серьёзной, и, даже немного строгой. Но тогда её некоторая замкнутость импонировала Сергею; Зоя не напоминала тех веселеньких пустышек, которые ему уже успели надоесть. Сперва он начал привычно шутить, но смеялась она так же сдержанно, как и танцевала, и от этого казалась ещё более недоступной, и загадочной.

Ночью он долго думал о ней, а на следующий день, в поле они уже работали вместе, уходили в лагерь вместе, обедали вместе, и, ему нравилось, что она ничего не боялась и никого не стеснялась, не пытаясь скрыть свою дружбу с ним. Как-то в жаркий полдень они ушли далеко в луг. Зоя собирала в цветы, а Сергей веселил её, рассказывая смешные истории, одновременно любуясь движениями её рук – быстрыми, ловкими. Вскоре они углубились в тенистую рощу, пропахшую папоротником и диким выюном, змеисто овивающим деревья.

Было душно и пыльно. Когда они подошли к реке, Сергей предложил искупаться. Он деликатно отвернулся, а когда вновь повернулся, то увидел улыбающуюся Зою по горло в воде. Зоя совсем не умела плавать и дальше ступать боялась. Тогда Сергей показал свое искусство, замечательно, в несколько сильных взмахов, переплыв узкую речку. Зоя стояла на том же месте, когда Сергей подплыл, держа в руках прекрасные лилии. Сергей бережно поводил Зою за руки. Дно было илистое, ноги утопали в вязкой жиже, то и дело, натываясь на острые раковины улиток...

Накупавшись, Зоя вышла на берег, бросив косо́й взгляд на Сергея, набросила на мокрое тело платье. Она стояла, словно птица, сложившая крылья, и Сергей ощутил такой прилив нежности, что, тихонько подойдя, обнял её со спины. Зоя повернулась, легко улыбаясь, в её бездонных глазах засияли огоньки нежными переливами. Она легонько поддавалась к нему, и он ощутил ее губы на своих губах. Мир качнулся, чуть не перевернувшись и поплыл. Внутри тела бурлила затаенная энергия, светлой радостью выплескиваясь наружу. Она выражалась в счастье видеть эти небесного цвета глаза, легонько ласкать эти нежные, как пух волосы, чуть касаясь беленького ушка, видеть, как жилка пульсирует на белой лебединой шейке, сходить с ума от нежных, гибких рук, похожих на два птичьих крыла, от виднеющихся сквозь платье коричневых точек ее груди. Это было настоящее счастье, и как Сергей тогда хотел, чтобы оно не кончалось!

Они пробыли долго у реки и давно высохли, и говорили мало – им не нужны были слова, а лишь эти нежные прикосновения, легкие и бережные.... Так открылись Сергею сказочные врата, и эти дни были наиболее счастливыми не только в то лето, а как он позже осознал, и во всей жизни.

Но прошло время, необходимо было ехать в город и неизбежные расставания, разлуки, множество неотложных дел такого разнообразного мира не только откладывает отпечаток на человека, но и переделывает его, заставляет его делать поступки, которые потом самими же могут быть признаны как ошибочные.

Зоя летняя и Зоя осенняя были разными. Одна была сдержанно-нежная, другая – временами строго-надменная и холодная. Изменился и Сергей, его чувство любви стало приобретать черты успокоенности, его начали интересовать другие дела. Между ними стала складываться холодная, незримая стена, временами исчезающая, как в этот осенний день, но, потом неумолимо вырастающая вновь. Во многом виной было врожденное мужское самолюбие Сергея, не желающего терять голову, а также присущее Зое собственное самолюбие и сдержанность. Зоя хотела чего – то особенного от Сергея, а Сергей от Зои. И сейчас, в электричке, когда она ощутила поцелуй его на своей нежной шее, она притворилась спящей, так как воспринимала это как своеобразное извинение Сергея за замкнутость и молчание последних дней. Она понимала, что её упорство вызовет у Сергея негативную реакцию, но продолжала молчать.

А электричка летела в ночи, и каждый поворот дороги виделся новым...

***

Это место было в какой-то мере священным, ибо мало кто миновал его, не зайдя туда, не соблазнившись обжигающе сладким вином, не отведав ароматного дыма, не посидев в матовой темноте бесчисленных мерцающих ламп.

Это место называлось "Алмазом", и оно нещадно проглатывало людей, проходящих разглядеть все его оттенки и грани. В вечернее время, когда иллюминация заливала потоком витрины магазинов, в "Алмазе" все места были практически забиты. Это был удивительный мир, где собирались для встречи с друзьями, посидеть в шумной кампании, и, конечно, почувствовать, как по твоим жилам горячо забурилит алкоголь. Пространство проглатывала ритмичная музыка, сновали ловкие бармены в белых рубашках и бабочках, быстро смахивающие пыль, ловко льющие в сверкающие бокалы легкое игристое вино. В красных, золотисто-зеленых, сине-голубых полосах света, окутанные сигаретным дымком, сидели, раскинувшись свободно и непринужденно, нарядные дамы в коротких юбках в ожидании интересных амурных приключений. Неистово танцевали, распахивая друг друга слегка подвыпившие люди.

Здесь лица казались краше и лучше, чем были наяву – это был грандиозный и блистательный обманный мир, где можно встряхнуть душу, раскрепоститься, почувствовать себя сильнее и наглее, чем ты есть.

Впервые попав сюда, Сергей поначалу растерялся. Здесь все было не так, здесь существовали свои законы, но, вскоре, он начал привыкать к "Алмазу", ибо подогрев себя вином, чувствовал раскованнее и современнее. И сейчас, идя вслед за ловким и опытным Князевым, он старался казаться старше, держаться смело и уверенно, гордо и независимо.

Все уютные кабинки, схожие с нишами в стенах, были заняты уже давно. Алешка подвел его к уже знакомой кампании и после обыденного приветствия, им разрешено было присесть за полированный общий стол, на котором уже красовались две бутылки вина, легкая закуска. Были заказаны еще коньяк и шашлыки, салаты, горячие бутерброды, конфеты. Из сигаретного тумана блики света выхватывали лица, казавшиеся страшными и одновременно в чем-то заманчивыми в темноте: гогочущие белозубо-красные рты, пряди длинных волос, темно-мутные глаза... Мелькали вялые худые руки, блестящие часами, браслетами, кольцами, огоньками сигарет. Торчали острые и полные колени, сплетения темных, клетчатых, белесомраморных, джинсовых ног. Девушки лениво сосущие коктейли томно и независимо смотрели вокруг, у некоторых взгляды становились липкими, движения рассеяно-свободными. Одна из них рыжая, худая, с наглым липким взглядом, руками-сосульками, щелкнув пальцами, усыпанными перстнями, пропела крошечным ртом:

– Новенький мальчик... Ничего... Как зовут? Ах, Сережа, Серенький... Так ты, Сережа, не стесняйся, расслабься, почувствуй себя как в своей хате.

Князев что-то отвечал ей, и она залилась хриловато-бессовестным, наглым смехом, закачавшись тонким телом, а потом щелкнула зажигалкой, закуриив, забросив ногу за ногу. Но Сергей продолжал чувствовать себя зажатым. Вскоре на столе появилась новая бутылка, светящаяся наподобие драгоценного камня в луче режущего фонаря. Её начали разливать по длинным, блестящим как хрусталь бокалам. Сергей выпил и, задохнувшись, закашлялся, в горле неприятно пекло, многие заухмылялись: «Хоррош коньячок!», а рыжая быстро подсунула конфеты, и Сергей взял пару в рот, быстро жуя, стремясь удалить неприятный осадок. Вскоре горячая жидкость заструилась по сосудам, голова затуманилась. "Алмаз" стал казаться не таким уж чужим, ребята – милыми и добрыми друзьями. Рассказывались анекдоты, и хотя языки выговаривали слова не очень отчетливо, стало вдруг очень смешно и мило, все стали разговорчивее, в головах закружились веселые хороводы шальных мыслей...

Через полчаса всех потянуло танцевать. Сергей это не очень умел, но удивился своей смелости и ловкости в танце, даже стал показывать Князеву как лучше работать руками, ногами, извиваясь всем телом. После третьего зажигательного танца пошел четвертый, и Сер-

гей уже окончательно вовлекся в общий хоровод неистового и бурного веселья. Скакали потные тела, махая руками, ударяя локтями соседей, наступая на ноги, обнажались зубы в веселом возбуждении – все это буйство казалось частью какого-то вселенского первобытного обряда. И, взирая на танцующих, вместе с ними приплясывали выложенный на стене мозаичный Вахс с чашей вина и спутавшейся бородой и увенчанная ярким венком крутобокая русалка.

Зазвучал медленный танец, и Сергей возвратился на место, с некоторой долей зависти поглядывая, как Князев – солидный, в темных очках, обняв рыжую девицу, наклонялся в такт блюзовой мелодии.

Сергей долго искал глазами, кого бы пригласить. За соседним столиком были привлекательные девушки, но все они казались старше и недоступнее. Одна из них – в обтягивающем тело свитере и джинсах особенно привлекла внимание Сергея. Он уже давно наблюдал, как она танцевала, а сейчас она мирно сидела за столиком. Рядом с ней восседал спортивного вида парень, стриженный под «бокс». Он тихонько поцеживал из бокала. Сергей тяжело вздохнул.

Потом он протанцевал еще два танца и решил сделать перерыв, тем более, что был объявлен «белый танец».

Вдруг он почувствовал мягкое прикосновение руки. Его сердце вздрогнуло, а по руке побежала электрическая теплая волна. Рядом стояла красавица из соседнего столика, запретно манящая, с большими, хорошо посаженными глазами, сияющими зелеными огоньками:

– Разрешите пригласить вас!

Этот мягкий вкрадчивый голос, изысканность манер незнакомки, вселили в сердце Сергея одновременно и робость, и желание пойти с ней, хоть на край света.

И он пошел танцевать с ней, серьезный, величественный, словно вельможа из исторического фильма, а внутри себя, волнуясь, как бы не наступить своей прекрасной даме на ноги.

Во время танца девушка прижималась к Сергею, и он с волнением чувствовал тепло ее пружинистой груди и полноватых рук, сознавая, как приятно ощущать гладкую и гибкую, чуть дышавшую девичью спину, переходящую от тонкой талии к мерно изгибающимся широким бедрам. И когда, наконец, танец закончился, незнакомка шепнула ему «Спасибо. Было очень приятно», улыбнулась и, покачивая бедрами, направилась к своему столику.

Сергей вернулся на место, еще не придя в себя, а Князев уже зашептал ему на ухо:

– Ну как тебе Мальвина? Раз она тебя пригласила, значит, глаз положила, радуйся...

– Кто она? – коротко спросил Сергей, вдруг почувствовав, что почти полностью отрезвел.

– Учится в музыкальном училище, играет там, на разных роялях – фортепьянах, – довольный своей осведомленностью затараторил Князев. – С нею сейчас Янис, кажется он её «бойфренд», занимается какими-то темными делишками, подпольным бизнесом. Но он ревнивый... Мальвина – телка свободная и очень недоступная, так что радуйся!

Удар в сердце был силен, и Сергей уже не мог забыть зеленоглазой Мальвины, все прочее перестало существовать.

***

Мадонова Юлия Сергеевна была сегодня такой милой, восхитительной и это её состояние передалось детям, они ждали от неё радостных вестей.

– Ребята! В связи с отсутствием в школе воды столовая сегодня работать не будет, и занятия отменяются. Запишите, пожалуйста, домашние задания!

Последние её слова потонули в общем шуме бурного ликования. Олег, вскочив на стул, кричал:

– Айда в парк гулять, ребята!

Многие шумно поддержали его, а Сергей шепнул Зое:

– В кино пойдем? Жди меня у кафе «Мороженое».

Зоя кивнула и вышла из класса, не замечая, с какой досадой, смотрит ей вслед Таня Ласточкина.

...Осенний день был грустным и хмурым. Плотная пелена свинцовых туч укрыла небо, но все же приятно шуршали листья под ногами, вперемешку с коричневыми, полированными тельцами каштанов.

Придя домой, Зоя быстро направилась в спальню. Мама удивилась ее приходу. Зоя только бросила:

– Воды нет, и нас всех отпустили.

Быстро сбросив надоевшую школьную форму, она одела кофточку и новенькие, упруго хрустящие, недавно подаренные ей джинсы. Затем долго сидела, наводя красоту – накладывая тени, подкрашивая ресницы, губы. Набросила длинный плащ, схватив сумочку, что-то придумав маме насчет коллективного похода в парк, быстро выскочила на улицу.

Ожидая опаздывающего Сергея, Зоя сидела в открытом кафетерии под разноцветными, схожими с грибными шляпками, зонтиками.

Заведение было почти пустым. Маленькие разноцветные металлические стульчики были усыпаны залетевшей жухлой листвой. На некоторых сонно покачивалась темная дождевая вода, и добродушная продавщица долго орудовала тряпкой, приводя в порядок столы и стулья. По улице, унося прилипающие листья, катились редкие автомобили, смешивая запах бензиновой гари с запахом подгнившей листвы. Лужи пахли йодом и мокрыми ветками, от буфета приятно несло теплыми булочками и острым запахом жженого кофе.

Сергей явился в короткой курточке – веселый, уверенный, чуть нагло улыбался, и Зоя тут же осадила его упреком:

– Опять опаздываешь на свидание, кавалер!

Сказала она это незлобно, скорее, по привычке, но Сергей почему-то сразу нахмурился:

– Если даме было так скучно, то дама могла бы и й уйти!

– Тогда кавалер рассердился, схватился бы за стул, и разнес бы здесь всю посуду, – продолжала язвить Зоя. – Не так ли?

– Только в том случае, если бы дама была знаменитой кинозвездой, и её бы соблазнил более ловкий соперник! А у меня такой ситуации не предвидится, да и даме моей куда как далеко до «звезды»!

Зоя, обиженно сжав губы, уже вспыхнула:

– Так может кавалер пойдет искать себе подобную «звезду», а что касается меня, то меня вполне устроит гордое одиночество. Во всяком случае, подобных бедных Пьеро я всегда себе найду, недостатка в таких нет!

Сергей ухмыльнулся:

– Ну, если я Пьеро, то ты уж никак не Мальвина!

Он и сам не понимал, как у него всплыло это имя. Воспоминание о его реальной владелице пламенем обожгло его сердце.

Зоя молчала, глядя куда-то в сторону. Сергей понял, что сказал лишнее. И хотя образ Мальвины не расплывался, он сказал примирительно, взяв Зою за руку: – Ну, хватит дуться... Ну, пошутили, и хватит.

– Я не люблю таких шуток!

– Ну, ты же первая начала с упреков!

– А ты опоздал...

Мороженое было ледяным и не хотело таять во рту. Зоя нехотя давила твердые белые комочки в пластмассовой чашечке, перемешивая их с вареньем. Сергей, пытаясь загладить случившуюся размолвку, начал рассказывать смешные истории, интересные случаи. Зоя легко кивала, но в глаза ему не смотрела и молчала. Она сама не знала почему, но вся радость встречи вдруг улетучилась, и Сергей с его шутками стал неприятен. Что-то происходило вокруг, что-то чужеродное вторгалось между ними, но что, они не понимали.

Наконец, бросив недоеденное мороженое, они отправились в парк, где в глубине находился фешенебельный кинотеатр "Свет". В тот момент Зоя очень хотелось уйти, но она не могла все вдруг так бросить, окончательно испортив Сергею настроение.

«Наверное, сегодня я просто не в духе. Придираюсь к нему по мелочам, как будто ревную к кому-то. Какие глупости», – подумала Зоя. И она примирительно взяла Сергея под руку.

Шли они молча, наблюдая, как машет метлой седой дворник, как дымятся белыми струйками кучи чернеющей собранной листвы, как в глубоком парковом пруду, в холодной темно-каменной воде плавают гуси, живущие здесь круглый год...

Фильм был интересен. Это была французская драма о любви, с участием знаменитых актеров, и после просмотра они как-то подобрали друг к другу. Но все же у Сергея было чувство, что он находится далеко не на взлете, его немного огорчил и тот факт, что Зоя не позволила обнять себя в приятной заловой полутьме, и, вообще, вся была увлечена фильмом, вовсе не обращая на него внимания.

Они шли по улице, неохотно говоря о насущных делах, и как-то незаметно оказались возле современного здания музыкального училища. И здесь Сергея будто пронзило током. Из толпы вышла девушка в модной легкой курточке и короткой юбке, обнажающей красивые крепкие ноги в прозрачных розовых чулках, и, помахивая легкой сумочкой, пошла в их сторону. Когда её глаза случайно встретились с глазами, цвет малахита, краски моря ударили ему в душу. Это была Мальвина!

Она узнала его, улыбнулась, широко обнажив ровные алебастровые зубы, кивнула и пошла, плавно покачиваясь, мимо. Сергей почувствовал себя на седьмом небе, а у Зои невольно вырвалось: «Кто это?»

– Да так, знакомая одна, – ответил быстро Сергей, и Зоя после этого молчала всю дорогу. Когда она, вернувшись, осталась совсем одна, эта встреча почему-то долго не выходила у нее из головы.

Глава 5. Антон. «Живое волшебство»

Зеркальная гладь лесного озера напоминала собой вогнутую чашу. От блеска багряно-лимонного солнца озеро переливалось, вспыхивало различными цветами – золотым, изумрудным, розовым, аквамаринным. В прибрежной воде, как в зеркале, отражались порыжелые, поросшие тростником берега.

Время от времени озеро менялось, вновь становилось темным, таинственным и глубоким, то вдруг опять отсвечивало медью и бронзой, рождая желание наблюдать бесконечно за сменой чарующих цветов, околдовывающих душу. В сонной холодной воде неподвижно стояли на плаву черные сломанные ветви деревьев и куски коры. Листья на берегах пронзительно пахли, смешиваясь с легким запахом костра и прибрежной ряски.

Тане нравилось подолгу сидеть на берегу, смотреть на черную, живущую интенсивной жизнью воду, вслушиваться в дыхание осеннего леса, чувствуя его аромат и, одновременно, наблюдать за работой Володи, бородатого художника с добрыми глазами, на полотне которого отражалось само озеро со всеми красками осени. Тане хотелось очень о многом спросить Володю, но она не решалась отрывать его. Володя настолько погружался в свою работу, что для него ничего не существовало и лишь, иногда, он вдруг тихо ругался, смешивая краски на палитре, вероятно оттого, что не мог достичь нужного ему цвета; отходил назад, подолгу всматривался в работу, подходил к холсту, яростно сдирав ненужные краски, нанося новые.

Сегодня рано утром они плавали по этой спокойной холодной воде на лодке, почерневшей и прохудившейся от старости, взятой у местного рыбака. Было настолько холодно, что Таня наворачивала на ладони рукава свитера, а Антон набросил на ее плечи клетчатый теплый плед.

Пахло легкой утренней серебристой изморозью, прелой листвой, черной рыбной водой и подгнившим деревом. В предутреннем сумраке Антон ломал и крошил моченый хлеб, нанизывал червяков на крючок и долго удил, подмигивая Тане.

Они меняли место ловли. Володя греб широко, сильно, направляя лодку через гущу камышей на середину озера. Оно еще спало – спокойное, величавое, огромное, богатое многообразиям микроскопической жизни.

Лишь розовело небо на востоке, за темнеющим лесом, превращаясь в коралловый пожар. И вот запрыгало, выбираясь из ветвей деревьев, перебегая по заросшим холмам, косматое, строгое и холодное солнце. Подуло ветром, засеребрилась, а затем заалела вода, и эти природные метаморфозы очаровывали Таню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.